

Дарья Орлова

ВСЕ ПИАРЩИКИ ДЕЛАЮТ ЭТО!

- ✓ Главная проблема **ВЫБОРОВ** — это **СЕКС!**
- ✓ Настоящие **ЖЕНЩИНЫ** не закусывают!
- ✓ **ВЛАСТЬ** — это сексуально!
- ✓ Не суетитесь под **КЛИЕНТОМ!**
- ✓ У нас здесь только **СТАБИЛИЗАЦИЯ!**

Дарья Орлова

Все пиарщики делают это!

«АСТ»

2008

Орлова Д.

Все пиарщики делают это! / Д. Орлова — «АСТ», 2008

Она знает о пиаре все. Политика – ее профессия. У нее есть красота, ум и даже нечто вроде морали. Последнее время от времени оказывается попраным. Потому что ей двадцать пять лет, она носит туфли последней коллекции Miu Miu и точно знает, что главная проблема выборов – это любовь. Ведь что еще может заставить вас пойти и совершить, в сущности, бессмысленное действие – поставить на бумажке крестик?

Дарья Орлова

Все пиарщики делают это!

«Что значит – „у меня есть для тебя небольшая работа“?» – спросил Геракл.

Все события и действующие лица вымышлены, любое совпадение является случайным

...Мне снилась какая-то сила, подозреваю, недобрая, которая вращала меня за пятку в центре комнаты, залитой синюшным предупредительным светом – стены несколько раз поменялись местами, ощутимо тошнило, и с этим гадким чувством я проснулась.

Так. Худо. Раздвинутые рамы балкона прямо у кончика носа. Постель в этой проекции – с пола – похожа на перевернутую пирамиду. Ага, я в отеле. Таиланд! Море, господи ты боже мой, море... Белый песок, шелковые волны, вплавленные в этот жемчужный рай...

Так почему же все-таки тошнит?

Стоп. Вчера была дискотека. Потом шоу трансвеститов, еще несколько коктейлей. Потом я танцевала... стриптиз, что ли... кажется, с каким-то корейцем, лица не помню. Потом упала на танцпол. Надеюсь, всего один раз.

Потом – вязкая тьма, как после первых школьных пьянок...

Дарья, тебе – шепотом скажу – двадцать пять лет. У тебя есть печень, поджелудочная железа, не говоря о кое-какой морали. Все это нынешней ночью ты грубо попраля.

Интересно, а как я попала в собственный номер?

Стоп. А кто это у нас тут спит?! Мужик! На моей кровати, в окружении каких-то давленных фруктов и пятен неясного происхождения.

Трахалась я с ним или нет? И какой он хотя бы национальности?.. Хорошо бы разобраться, как к нему обращаться, а потом выставить из номера и принять душеспасительное омовение.

– Хелло! – с враждебной улыбкой громко закричала я.

Мужик шевельнул пяткой, потом заросшим подбородком, открыл один глаз, почесал голую задницу и... выдал длинную фразу на каком-то тарабарском языке, приглашающе похлопывая по матрасу. Упс...

– Привет! То есть ауфидерзейн... бонжур... – пробормотала я упавшим голосом.

Мужик встряхнулся, посмотрел на меня, надо сказать, тоже с недоумением и ответил еще одной непереводимой фразой.

С третьего повтора моя фраза: «Гоу хоум, господин хороший, финита ля комедия!» возымела успех, и мужик двинулся к выходу с лицом опечаленной немецкой овчарки.

Животик у него слегка обвисал, ноги были коротковаты, попа похожа на раздавленную дыньку, и размерами члена я бы на его месте тоже не хвасталась.

Интересно все-таки, переспала я с ним или нет?

Да-а... Уж близится закат молодой жизни, а волшебный принц все материализуется в виде коротконогих мужичков.

Ладно, все это мелочи. Потому что там, под балконом, море и пальмы, пушистые, как павлиний хвост, и бабочки величиной с голубей, и райские водопады отеля. Короче, ожившая картинка рекламного проспекта «Добро пожаловать в рай! Ваш Бог».

Неделю я по утрам выбегала на балкон и чувствовала себя принцессой. Не напейся вчера до скотского состояния, просто умерла бы от счастья.

Я молода и свободна. У меня роскошный загар, зеленые глаза, безумная работа, и мне принадлежит мир!..

И тут запел телефон. Запел он «Время, вперед!» Свиридова, и это означало, что звонит САМ БОСС.

Гарик – один из лучших политконсультантов России, циник и умница. Прирожденный главнокомандующий и любимец женщин. Человек, который носит с собой одновременно пять мобильных телефонов (все работают!) и знает по несколько слов на каждом языке мира. Автор трех книг по политическому консультированию, в которых главное нужно читать между строк.

Мой первый и главный учитель.

И он никогда не звонит просто так.

– Дарья, ты где?!

– На Пхукете...

– Не матерись! Кто же в августе летает в Таиланд, чукча? Там же дикая жара!.. Бросай на хер свои буржуйские штучки и лети работать. Ты нужна миллионам сограждан!..

Это неправда. Я точно знаю, что он врет, но слышать приятно.

– Возвращаюсь через три дня...

– Три дня?! Да у нас каждая секунда на счету!.. Кандидаты ждут, исторический момент настал, а из-за Дарьи, которая греет жопу на песочке, мир должен замереть на три дня?! В общем, – заканчивает он спокойным тоном, – три дня – это слишком много. Максимум послезавтра ты должна вылететь.

– Куда?

– Не по телефону.

– Зачем?

– Не по телефону...

Гарик обожает секреты.

– В общем, мы тебя ждем. Как только будешь в России, позвони. Счастливо долететь! Все, побежал, целую!..

Для начала я залезла в ванну. Заискивающе улыбнулась своему отражению в огромном, во всю стену, зеркале. Опустилась по уши в душистую пену и сделала дыхательную гимнастику. Меня научили ей сибирские шаманы, когда... долгая история.

И задумалась постфактум.

Политика – моя работа. «Предвыборные кампании и все, чего хочет клиент», – слоган, который мы могли бы написать на гербе, будь у нас герб. Мы знаем все этапы предвыборной кампании наизусть, и у нас есть ключи ко всем нужным дверцам. Мы умеем собирать подписи и чертить диаграммы социальных исследований, писать кандидату речи и подбирать костюмы, снимать рекламные ролики и рисовать плакаты, организовывать парад пенсионеров в поддержку собственного кандидата и парад «голубых» – чтобы дискредитировать конкурента.

Мы знаем также, что выборы не исчерпываются дешевой суетой с подкупом избирателей и выпуском агиток. Центральная проблема выборов – это Любовь. Что еще может заставить вас пойти и совершить, в сущности, бессмысленное действие – поставить крестик или галочку на бумажке?

Подобные глупости электорат радостно делает только ради Любви.

А значит, вопрос стоит так: сможем ли мы заставить вас полюбить? Околдовать, заворовать, пленить?

В политике я – специалист по словам. Слово – чудовищная сила, и один нелепый плакат, одна неловкая фраза может погубить политика вернее, чем отталкивающая внешность, зоофилия или еще какое-то сомнительное увлечение.

Заметьте, я ничего не говорю об алкоголизме или уголовном прошлом – в России такая мелочовка никому не может испортить репутацию.

Наверняка вы сейчас вспомните какую-нибудь дурацкую листовку. Так знайте, это не моя листовка. Я же сказала: я – мастер слова.

У меня замечательная работа. Не будь ее, я не облетела бы за последние годы всю Россию и не только, привозя родным то сувениры из Бобруйска, то травы с Алтая. Не будь ее, я бы, возможно, давно нашла мужчину своей мечты, построила дом и родила сына. Мне кажется, для этого всего только и нужно – остаться на одном месте дольше полугода.

У меня прекрасная работа, и я люблю ее – особенно в самом начале, когда собираю сумку и обсуждаю гонорары. Кстати, собрать сумку для политтехнолога – вопрос пятнадцати минут. Эпилятор, ноутбук, шампунь, фен, шерстяные носки, зубная щетка и пачка презервативов. Не стоит брать много – ни одна из повседневных вещей и мыслей политтехнологу в командировке не нужна. Кроме, пожалуй, зубной щетки.

И вот ради работы я должна покинуть рай. Я – Ева, изгоняемая из рая...

* * *

На обед я спустилась в белом платье с трогательными кружевами и в тайной надежде, что отправить меня завтрашним чартером не удастся.

При моем появлении ресторан отеля окаменел. Буквально. На секунду прекратилось движение челюстей и, по-моему, даже дыхание. Нет, платье, конечно, сказочное. И я, конечно, красавица. Но, боюсь, тут было что-то еще...

Жрать с похмелья не то чтобы не хотелось, а не было физической возможности. На меня неотрывно глазели, пока я шла за стаканом воды. С меня не сводили глаз, пока я выбирала фрукты. Может, фрукты нельзя трогать руками?.. Потом я обнаружила гида Алию, кругленькую, мягкую, кажется, казашку, с глазами, как яблочные семечки, и объяснила, что обстоятельства требуют от меня улететь завтра утром.

– А-а-а, это вы из-за вчерашнего? – с пониманием спросила Алия. – Какая ерунда, тут такие свободные нравы... Конечно, на ресепшене немного удивились, когда вы стали показывать шоу гоу-гоу. И потом, когда вы полезли на крышу через балкон. Но тот итальянец... Он был так добр и вас снял...

– Шоу... гоу-гоу? – слабо прощуршала я. – Это где... женщины курят влагалищем? Но я вообще не курю!

– Вы не курили! – согласилась Алия. – Вы попросили фрукты. Да не расстраивайтесь, было очень смешно!.. На ресепшене сказали: спиртные напитки вам отныне и всегда за счет отеля.

Ага, было очень смешно... Получается, мужик в номере был итальянцем.

О-о, черная бездна позора!..

Вот за это я и не люблю русских на отдыхе.

Минут через пятнадцать уговоров, телефонных звонков и согласований Алия пообещала впихнуть меня в завтрашний чартер. Кстати, понимаю ли я, что деньги мне никто не вернет? Да, увы, я понимаю. Я все понимаю. Мне хочется уплыть в море и превратиться в акулу.

К вечеру я выползла к бассейну, чтобы не лишиться солнца возможности облизать меня напоследок до пяток, а всех желающих – ухмыльнуться издали, спросить, как мое самочувствие, отметить, что вчера я была неотразима, уточнить, замужем ли я, и предложить принести коктейль...

Насмешничайте, глумитесь, швыряйте в меня камни, гения легко обидеть.

Я в дзене.

*Утро
над Пхукетом
похоже на бабочку.
Остров*

*просыпается,
не выходя из нирваны...*

Просыпаются пальмы и птицы, и обезьянки, и маленькие перламутровые лагуны. А я беспокойно сплю в аэропорту с сумкой в зубах. Никто в России не ждет моего сегодняшнего возвращения, может быть, ее и не существует, этой России... Минуту я обдумывала – не попротестовать ли мне политическое убежище на Пхукете. Обдумала все и решительно шагнула в самолет. Достала «орбит» и от тоски проглотила сразу три подушки. Заработаю миллион и вернусь сюда. Навсегда.

На рейсах Пхукет – Бангкок и Бангкок-Москва было исключительно тоскливо, как всегда, когда количество отдыхающих на квадратный метр превышает предельно допустимую норму.

– Ой, девчонки! – верещала на заднем ряду какая-то сорокапятилетняя юница. – Какую я купила сумку! Стразы, блески... Просто полный «эврисинг о'кей»!..

– А у вас в отеле каждый день шампуни давали?

– По-русски на ресепшене вообще никто не говорил...

Милые мои электоратики. Как же я вас люблю!

* * *

Дома я приземлилась в густых сумерках и сразу же, пока ждала багаж, позвонила Гарику.

– Ты в России?! – удивился он. – Вот за что люблю тебя, Дарья, – за оперативность! Не будем рассматривать сейчас моменты твоих провалов и вспоминать Омск...

А я вот всегда с удовольствием вспоминаю Омск. Там у меня был, кажется, лучший в мире любовник, то ли регбист, то ли программист – неважно, но суть дела я помню до мелочей. Какой у него был член, господи ты боже мой!.. Трое суток я ощущала себя одним бесконечным оргазмом, всего лишь трое суток, а Гарик третий год напоминает...

– Завтра же вылетай в Северск, рейс Аэрофлота в два часа дня. Начинаем операцию «Преимник». Большие люди отдали нам всю Сибирь и севера...

– Преимник? – ахнула я. – Август же! Мы что, на полгода в Сибирь?!

– Перелет домой оплачивается раз в месяц. Все первичные материалы я выслал тебе на мыло, ознакомься... Команда вся наша. Не понимаю, о чем тут еще говорить? Кстати, Вася сегодня прилетела. Все уже здесь, кроме тебя.

– Полгода!..

– А у тебя есть более выгодные предложения?.. – с проникновенным сарказмом спросил Гарик.

Конечно, он прав. Никто дома не предложит мне такой интересной работы, а главное – таких гонимых...

Я могу заглянуть в мир политики с изнанки – а этот опыт дорогого стоит. Моя работа дарит сказочную возможность просыпаться к обеду, а потом работать до утра. Я, конечно, трудоголик. Просто в восемь утра я чувствую себя чем-то средним между куском пластилина и размороженной хурмой. Как говорит один знакомый политконсультант: «Что я, петух – рано вставать?»

Поговорив с Гариком, я позвонила Ваське-Василисе. Самой лучшей подруге.

Сквозь хрип ее роуминга я крикнула:

– Один день не дождалась ты меня, Василиса Прекрасная! Завтра бы вместе полетели... Быть тебе за это лягушкой тридцать лет и три года!.. Этот негодяй уже сказал тебе, что выгатачил меня из Таиланда?

– Он что, уже сообщил тебе, что я здесь? – весело удивилась Васька. – Ага, я в Северске и жду тебя. Все получилось так внезапно, я даже позвонить тебе не успела.

– Как там... вообще? – осторожно спросила я.

– Не Рио-де-Жанейро... Скорее, Рио-де-Житомир. Дороги не ремонтировали со времен царя Гороха. Круглосуточные магазины закрывают почему-то в восемь вечера, в центре города – наркопритон. Парикмахерских хороших нет... Ты записываешь?

– Запоминаю.

– Но есть и плюсы!

– Мужчины?

– Ты смеешься...

– Северное сияние?

– Нет, Дашка, его тоже нет.

Мы знакомы с Васькой тысячу лет. Вы бы легко узнали ее на улице – просто выберите самую романтическую барышню. Это не означает, что она будет в кисее и кружевах – просто в ней будет что-то неуловимое, легкий намек на то, что она сбежала со съемок «Обыкновенного чуда» в киоск за шоколадкой. Васька принципиально не носит черного – считает, что черный цвет отягощает карму русского человека. Вот китайца не отягощает, а русского – стопудово.

Имя свое она оправдала полностью – окончила музыкальную школу, выросла мудрой и прекрасной и по родительскому плану должна была стать замечательным детским врачом. Вместо этого Васька тайно поступила на философский, причем, кажется, в течение пары первых курсов все были убеждены, что девочка учится в мединституте. Потом истина все-таки выплыла наружу.

– Но ведь философия – это для шизофреников, Васенька, – растерянно и печально сказала мама. – Как же ты будешь помогать людям?

– Ничего, я уж как-нибудь найду способ! – с неповторимой уверенностью ответила Василиса.

И действительно – вскоре занялась выборами.

У нее совершенно гениально получаются сиропные листовки о кандидатах-спасителях Отечества, душещипательные слова о голодающих пенсионерах и улыбках сквозь слезы детишек-сирот. И, кстати, это она первая придумала эвфемизм «люди уважаемого возраста». Хотя ей же принадлежит афоризм: «Пожилой человек заслуживает уважения как источник нашего дохода». Но в действительности интересуют Ваську всего несколько вещей – мужчины, магазины и философы-постмодернисты...

А после Васьки я позвонила родителям.

– Мама, – я постаралась говорить голосом пироженки с кремом, – я случайно вернулась с моря раньше. И случайно завтра улетаю на север. И, наверное, смогу вернуться не раньше, чем через месяц... а то и через полгода.

– И почему я совсем не удивляюсь? – мирно вздохнула мама. – Приезжай, хоть поешь по-человечески перед самолетом...

* * *

Северск. Уже в аэропорту здешняя действительность раскрылась во всей своей суровой красе. Меня, оказывается, никто не собирался встречать. Никто не вырывал из рук тяжелые сумки и не предлагал такси. Какой-то молодой человек у стойки бара посмотрел на меня и флегматично заметил:

– А вот здесь торгуют тем, что сдали в багаж пассажиры...

– А чем вообще богат Северск? – спросила я.

– Да так... Ягода-морошка, лагеря строгого режима.

Хорошенькое начало. А ведь мне предстоит продержаться тут полгода. И летать отсюда в иные, не менее гостеприимные сибирские города.

На старте своей карьеры мы с Васькой упивались студенческой романтикой командировок. Ночевки в третьеразрядных гостиницах и полуразрушенных профилакториях, пельмени на завтрак-обед-ужин, повседневная униформа – свитер и джинсы. Мы не обращали внимания на то, что едим, сколько выпиваем, где спим и с кем...

После каждой такой кампании требовалась долгая реабилитация: первые сутки после возвращения домой мы просто отмокали в горячей ванне и, разглядывая себя в зеркале, всегда удивлялись, до какой деградации могут прийти приличные, в общем-то, девушки всего за два-три месяца отсутствия элементарного комфорта.

Сейчас все изменилось. Мы повзрослели и обнаглели. Во время переговоров отдельно оговариваем все вопросы благоустройства, включая квартиру с евроремонтом и личного шофера. Однажды я дошла в своей изысканности до того, что отказалась от заказа (правда, не особо выгодного), узнав, что жить придется в районе, где в радиусе ста километров нет ни одного фитнес-клуба.

Но все-таки я оказалась не готова к сибирскому размаху.

По телефону Гарик говорил, что жить мы будем все вместе в небольшом, но уютном загородном домике, любезно предоставленном одним из местных воротил бизнеса – олигарх решил таким образом наладить дружбу с властью предрешающими.

При ближайшем рассмотрении «домик» впечатлял – по сути, это был дворец с барельефами, в котором мог запросто встать на постой эскадрон гусар, и скучать бы бравым парням не пришлось: в подвале находились финская сауна, тренажерный зал и бильярдная, в холле почти всю стену занимал настоящий камин, барная стойка мерцала и манила огнями невиданного ассортимента. Кухня-столовая – размером с полноценную городскую квартиру, пол из итальянской плитки – с подогревом... Я ошалела.

– Да, растем, – горделиво отметил Гарик, он явно наслаждался произведенным эффектом.

– Мне даже страшно представить, что нужно сделать, чтобы заработать такие деньги, – с восхищением сказала я.

– Ладно, не расслабляйся. Поехали в штаб, там уже все ждут.

Офис, в котором разместили нашу команду, выглядел не столь роскошно, зато отвечал всем требованиям безопасности: высокий забор, охрана, вход по пропускам, вывеска: «Научно-производственное объединение...» Гарик высадил меня у пыльных ворот и умчался по своим делам, а я с ноутбуком под мышкой зашагала в штаб, где мне предстояло отработать полгода – принять участие в сотнях совещаний, написать тысячи страниц планов и агиттекстов, редактировать чужую писанину, нервничать, закатывать истерики, пить ведрами кофе с коньяком и, возможно, заниматься сексом в укромной темноте коридоров.

Навстречу мне вышел немолодой тщательно расчесанный дядька в водолазке, с детским румянцем. Он отрекомендовался Семен Семенычем, начальником службы безопасности, и предложил проводить до нужного кабинета.

– А где наша Василиса Прекрасная? – спросила я.

– Василиса Витальевна сказала: работает над документами, – почтительно ответил Семеныч, указывая на одну из офисных дверей.

Я вошла. Меня встретила идиллическая картина. Всюду царили тишина и прохлада. Сквозь занавешенные окна пробивались легкие лучи заходящего солнца, рассыпаясь бликами по линолеуму. А за единственным столом, в окружении традесканций и бегоний, сидела Васька и сосредоточенно играла в «сапера».

– Привет из Таиланда! – заорала я с порога.

Васька оторвалась от ноутбука, взвизгнула и побежала целоваться.

Последующие полчаса мы обсуждали притоны Пхукета, футмассаж, цвет моего загара, а также достоинства и недостатки тайландской кухни. На всякий случай о шоу гоу-гоу в отеле я решила не рассказывать.

– Кстати, – опомнилась я, – вводи меня в курс дела. Скажу честно – я пыталась почитать ориентировку в самолете, пока сюда летела, но в голову ничего не лезет, и мужчина рядом сидел симпатичный... В общем, было недосуг.

Василиса сладостно вздохнула при слове «мужчина», но тут же сдвинула бровки и зашелестела бумажками на столе.

– В целом ситуация рядовая, результаты фокус-групп показали, что морально народ к преемнику готов, особенно если его «благословит на царствие» старый презик. С этим, как понимаешь, без проблем. Психологи прислали вчера отчет...

– Подозреваю, нечто грандиозное?

– Двести страниц космического бреда. Если коротко, они говорят, что нужно отработать архетип «воин-защитник» или «царь-батюшка». Мол, в Сибири ценят сильную руку и всякие ежовые рукавицы. Но лично я не уверена, что потомки декабристов и каторжников настолько любят власть. По-моему, гораздо реальнее продвигать имидж крепкого хозяйственника. Можно даже добавить рабоче-крестьянское происхождение и брутальность. Тем более что некоторые публичные высказывания нынешнего «царя-батюшки» явно восхищают люмпенов.

– Царь-батюшка за такие речи не похвалит, – вставила я, – он сидит в Кремле и грозит тебе пальцем.

Я рассеянно пошелестела страницами отчета. На сегодняшний день наш кандидат был почти официально признан преемником уходящего Президента. Это в сотни раз важнее «сильной руки» и «крепкого хозяйственника». Это означало абсолютную поддержку Кремля и административного ресурса. Это означало, что проиграть мы можем только чудом. Когда придет время, нашего Петрова хором поддержат (по звоночку сверху) губернаторы, мэры, директора школ, врачи и деятели искусств. Да и не только они – все.

То есть в выборах почти не было интриги.

Но меня это не слишком беспокоило. Работать на будущего победителя приятно. Даже если его конкуренты явные лузеры. Легко и приятно работать, не встречая противодействия со стороны чиновников, милиционеров, коммунальщиков. Мы с Васькой так часто работали на заведомо провальных кампаниях, в условиях неравных и унижительных, что вполне заслужили такую непьющую работенку.

Петров, Президент всея Руси... Неплохо звучит?

Все олигархические группы, стоящие за Петровым, вряд ли были известны даже ему самому. Тем более не знали их мы. Знали только несколько ключевых имен олигархов националистического толка, связанных с кремлевской группой чиновников, поддерживающих Петрова. Не тех олигархов, которые «равноудалены», а тех, которые «равнодопущены». Конечно, смешно надеяться, что матушка-Россия с Петровым во главе и «семибоярщиной» олигархов за его спиной преобразится и станет уютной европейской страной.

И все-таки на фаворита президентской гонки работать довольно приятно... И очень украсит наши резюме.

В этот момент в кабинет решительным шагом вошел юрист Николай – длинный, худой и абсолютно лысый молодой человек. Он вальяжно поприветствовал меня, ухмыльнулся Ваське и бросил на стол увесистую пачку документов.

– Значит так, – веско произнес он в наступившей тишине, – это выдержки из законодательства по выборам. Прочитать и выучить. Ни я, ни мои помощники не собираемся тратить время на исправление ваших ошибок – кампания нехуевая, и надо по максимуму застраховать себя от обвинений в «оскорблении чести и достоинства», «незаконной агитации» и всего

такого... Дарья, здесь все серьезно, никакой «чернухи», так что не надейся, что я, как всегда, буду защищать твою задницу.

Вот она, обратная сторона служебных романов! Достаточно пару раз переспать с человеком, и он уже входит к тебе без стука, и фамильярничает, и вообще уверен, что ты живешь надеждой на новые встречи.

«Защищать мою задницу», нет, вы подумайте! Да он, если хотите знать, мою задницу как раз наоборот... впрочем, неважно. Как и все юристы, специализирующиеся на избирательных кампаниях, Николай обладает пуленепробиваемым взглядом, нервами-канатами, а цинизм его порой ужасает даже нас с Васькой. В свободное от выборов время он промышляет рейдерством – незаконным захватом чужой собственности с целью последующей перепродажи. По-моему, все это довольно сексуально.

Мы прошли вместе не одну кампанию, так что я убеждена – в прошлой жизни Коля был активным деятелем святой инквизиции, и крики тех, кого он посылал на костер, не бередили его совесть. Только тогда он ловко орудовал текстами Евангелия, выворачивая смысл в нужном направлении, а теперь творит юридическую камасутру с избирательным законодательством. Он знает, как закрыть предвыборную газету конкурентов и запретить их листовки, он может организовать фальсификацию с бюллетенями или добиться, чтобы соперников вообще сняли с выборов.

Естественно, за такие услуги Николай получает бешеные гонорары, но, даже выбирая себе шлюху в vip-сауне, он сохраняет хладнокровие и никогда не переплатит. Это не скудость, а привычка рационально подходить к любому делу.

– Коля, а наша Даша только что вернулась из Таиланда, – сообщила Васька, видимо, решив разрядить атмосферу.

– Надеюсь, без последствий, – многозначительно заметил Николай и быстро ретировался, пока я подыскивала слова для достойного ответа.

Тут в комнату вбежал неизвестно откуда взявшийся Гарик:

– Быстро-быстро-быстро все бросайте и на совещание... Будем знакомиться с кандидатом. Дарья, что это за блядские ромашки у тебя на ногах?! К серьезным людям тебя веду, а выглядишь как прости господи...

«Блядские ромашки», между прочим, из последней коллекции Miu Miu, и цена умопомрачительных туфелек продолжает меня пугать даже спустя месяц после покупки, но Гарик не эстет, нет у него такого недостатка, и объяснять ему все это бесполезно.

Мы поспешили за ним в коридор и там встретили еще кучку работников штаба – все торопились предстать пред ясны очи кандидата и произвести хорошее впечатление. Мимо прошмыгнул неврастеник Капышинский, как всегда погруженный в собственный мир, а необъятный Тимур, наш «силовой блок» и хреновый организатор, вместо приветствия наступил мне на ногу и проржал какую-то пошлость. На бегу я поймала за рукав Андреса – бессменного начальника службы социологии и мониторинга на избирательных кампаниях. Его люди проводят опросы населения, анализируют результаты и пишут длинные отчеты о настроениях электората, предполагается, что эти данные помогают нам выстраивать тактику pr-кампании. Рыжий Андрес, умница и эрудит, внешне похожий на проворного паучка, замахал радостно лапками:

– Дарья-краса, приветствую! Так и знал, что ты прилетишь на такой жирный пирог.

Андрес – латыш и ярко выраженный националист, однако предпочитает жить и работать именно в России. Здесь у него квартира, диссертация по социологии и девушка Лена. За все пятнадцать лет своей насыщенной жизни на российской земле тридцатилетний Андрес ни разу не посетил историческую родину, но упорно говорит с акцентом и периодически вообще забывает русский. Например, когда приходится объясняться с представителями закона.

– Слушай, Андрюша, а кто тут выдает суточные?

– Бухгалтер Алла. Такая гранд-дама – требует, чтобы к ней обращались по отчеству. Видимо, первый год на кампаниях... С кем ты договаривалась об оплате?

Договаривалась я с Гариком, и мне, как всегда, пришлось нелегко, потому что этот обаятельный и ловкий жадина каждый рубль в чужих руках воспринимает как личное оскорбление. Я по привычке торговалась, пока не поняла, что расчеты идут в евро. Села и подсчитала, сколько получу за полгода. Потом перевела в рубли. Потом обратно – получилось много. Очень-очень много.

Вопрос денег – всегда самый важный и самый сложный. Система оплаты труда построена на парадоксах. Это специфика всех предвыборных «мероприятий». Количество нулей на банкнотах зависит только от наглости самого специалиста. Частенько люди недалекие, но с завышенной самооценкой получают самые большие гонорары – они энергично рубят ладонью воздух и надувают щеки, они обладают даром обольщения заказчика.

Все это пахнет шарлатанством, волшебством, а иногда и уголовным кодексом. Тем не менее, человек, который требует за свои услуги сумму, чуть ли не превышающую бюджет всей кампании, невольно заслуживает всеобщее уважение.

Я пока этому только учусь.

И, судя по возрастающим гонорарам, – успешно.

* * *

Когда мы все столпились в небольшом кабинете, украшенном только кожаными диванами и круглым столом, началось интересное.

– Позвольте представить нашу команду профессионалов, это настоящие бойцы рг-фронта, – начал разглагольствовать Гарик, обращаясь к трем мужчинам в почти одинаковых костюмах. – Николай – опытный юрист, Дарья и Василиса – ведущие специалисты по информационному сопровождению, Андрес – социолог...

Говорят, когда-то в Киеве наш босс был известен как свадебный тамада и массовик-затейник. Вот и сейчас он старательно демонстрировал заказчикам старые трюки, убеждая в том, что, сделав выбор в пользу нашей команды, они приняли самое верное и успешное решение в их жизни. Те слушали и молча разглядывали нашу банду, а мои предательские «ромашки» все-таки привлекли общее внимание и явно шли вразрез со словами Гарика. Ох, лучше бы я была босиком...

Маленькая Васька, которую с непривычки запросто можно принять за сбежавшую с уроков школьницу, тоже откровенно не вписывалась в образ профессионала. Даже очки не могли исправить положения. У Васьки волшебные глаза. И дело не в том, что они пронзительно голубые, и даже не в том, что к вечеру они колдовским образом отливают синевой байкальского озера. Главный секрет Васькиного взгляда – его кристальная чистота. Ваську никогда не штрафуют гаишники, кавалеры зовут замуж после первого свидания, а незнакомые люди в аэропорту без колебаний доверяют посторожить свой багаж...

И сейчас на нашем фоне Василиса как никогда походила на Красную Шапочку в стае волков.

Андрес криво усмехался, очкарик Капышинский увлеченно копался в бородке, а огромный Тимур безуспешно пытался придать себе приличный вид и хмурил свой неандертальский лоб – настоящий вышибала из дешевого кабака. На юристе-инквизиторе Николае, казалось, большими буквами было написано: «Отмазываю от закона. Дорого и мерзко».

Но московские гости в панику не ударились. Судя по всему, лицезреть подобный цирк им было не впервой. Гарик с нажимом назвал имена и должности всех троих, и по спине у меня пробежали мурашки.

Человек с трогательной фамилией Курочкин оказался замом самого первого и главного помощника президента, «серого кардинала», и в его задачу входило следить за выполнением идеологической части плана «Преемник» во всем Урало-Сибирском регионе. Я мигом представила, как в потаенной тиши кремлевских кулуаров, в условиях военной тайны группа людей с неуловимыми глазами смело и ловко вырисовывает стратегию кампании, и над господином Курочкиным возник таинственный нимб властителя судеб. По телу прошла новая волна мурашек.

Загадочная вещь – мужская сексуальность... Лично меня страшат двухметровые «спасатели Малибу» с голливудской улыбкой, их накачанные стероидами тушки вызывают неприятные ассоциации с мясной лавкой, ветчиной и колбасными кругами. А вот стоит мне увидеть мужскую особь в килте...

Когда-нибудь я напишу целую поэму о том, как прекрасны мужчины в шотландских юбках и сколько прелести таит в себе эта часть одежды, особенно в самые интимные моменты. Василиса, помнится, однажды с горящими глазами описывала, как сильно ее заводят мужчины, которые картавят или заикаются. Подруге Олеське принципиально, чтобы у партнера было пузико. И все мы таем и стекаем к ногам мужчин, у которых есть власть.

В общем, ничего удивительного, что «властитель судеб», несмотря на тонкие губы и слегка обозначившуюся плешь, вызвал у меня живейший женский интерес.

– Господин Перцель будет осуществлять контроль над финансовыми потоками кампании, а также решать все коммерческие вопросы, – важно пояснил Гарик.

Как только были произнесены эти заветные слова, все наши, как по команде, начали преданно смотреть в глаза худенького Перцеля, молодого, очень внимательного и в очень строгом костюме. Если бы у нас были хвосты, мы завиляли бы ими, как собачки...

Только тот, кто имеет представление, какие бешеные бабки крутятся на избирательных кампаниях, поймет весь смак выражения «сидеть на деньгах». Казначей может выдать нам премию и повесить гонорар, а может оставить без денег на «представительские расходы» и даже урезать суточные. Кроме того, при благоприятных обстоятельствах «контроль над потоками» не исключает некоторых общепризнанных вольностей, на которые казначей может закрыть глаза. Ведь для веселых и находчивых пиарщиков кампания открывает широкие возможности.

На нижнем уровне это происходит примерно так. Если тебе выделяют бюджет размером в пятьдесят тысяч на поиск пятидесяти агитаторов, ты нанимаешь только двадцать пять, и они с небольшой доплатой выполняют двойную работу. Все довольны. Или, например, печатаешь в типографии четыреста тысяч листовок, а агитаторы разносят только двести тысяч (из остального получается шикарный костер для барбекю).

Средний уровень: если требуется разместить предвыборный материал на телеканале, ты округляешь расценки в свою пользу и еще можешь рассчитывать на «откат» у руководства канала за то, что именно они получили выгодный заказ на размещение.

На высоком уровне, когда речь идет о бюджете всей кампании, махинации приобретают фантастический размах. Ловить всех воришек за руку нереально, да на это и нет времени: кампании всегда проходят в авральном режиме...

Перцель поправил на носу очки в дорогушей оправе и начал вещать на тему не вовремя сданных отчетов и ведомостей. Интересно, как его дразнили в школе – Перец? Пеппер? Старая Перечница? И все-таки не сломался, покорила Москву и работает в министерстве, читает лекции в университете. Таких людей нельзя не уважать, и по отрешенной улыбке Васьки я поняла, что она думает о том же.

– Ну, конечно, это он, – прошептала Василиса.

– Кто? Герой твоего романа? – спросила я без энтузиазма, ибо у Васьки все встречи – судьбоносные, а все мужчины – прекрасные принцы.

– Мы встречались на одном экономическом форуме. Финансовые рынки, инвестиции и все такое... Он читал доклад о Стабилизационном фонде. Такой милый – зашел на трибунку и говорит: дорогие друзья, не бойтесь, я постараюсь кончить быстро...

– Очень романтично. А ты-то что там делала? Ты ведь даже не знаешь, что такое индекс Наздак!

– Ну и что?! Я общалась с интересными людьми.

В этом вся Васька. В поисках «интересных людей» она с одинаковым воодушевлением спешит и на собрание экономистов, и на литературный вечер, и на политический митинг. Ее привлекают энтузиасты, и, по-моему, с Васькиной стороны это особый вид энергетического вампиризма.

– Слушай, Дашка, а Петров – как на транквилизаторах: молчит и взгляд не от мира сего.

– Тебе бы у него поучиться: совещание, а ты расшумелась...

* * *

Кандидата Петрова нам представили в самом начале, и теперь он действительно сидел тихо, сложив мягкие ручки, как старательный первоклашка. Наглое осеннее солнце било ему прямо в ухо, но в глазах его перекачивал волны вековой океан.

Мы не раз видели упитанную фигурку господина Петрова по федеральным каналам, когда он в качестве премьера комментировал очередные глупости нашего правительства. Получалось, что в жизни он точно такой же – плотный, спокойный и очень уютный. Ему бы не по сибирям разъезжать, а сидеть у камелька в халате и шелковых туфлях, читать «Financial Times» с чашечкой чая в руке...

Вполне возможно, что и сам Петров придерживается того же мнения – незаметно, чтобы он горел радостью по поводу развития своей политической карьеры.

Наконец Гарик объявил, что совещание закончилось, и одним движением бровей дал нам понять, что распознать надо быстро, потому что у него есть свои вопросы к московским гостям. За годы совместной работы Гарик хорошо выдрессировал свою команду, так что уже через две минуты в кабинете не осталось посторонних.

– Ты думаешь о том же? – спросила я Ваську, когда мы оказались в коридоре. Она с готовностью закивала головой. Мы дождались, когда все наши разбегутся по своим норам, и заняли позицию рядом с дверью в комнату совещаний. Теперь мы обе превратились в два огромных уха. Но мы недооценили коварство шефа. Внезапно дверь резко открылась, и из проема выглянул Гарик.

– По-моему, было ясно сказано: совещание окончено. Хочу напомнить, что у вас куча работы. До свидания!

Проходя мимо кабинета, куда поселили Андреса, мы услышали смех, возбужденные голоса и, не раздумывая, завернули туда.

– А вы знаете, где сейчас наш гениальный оператор Ванюша? Ну, тот, кто снимал все ролики на выборах в Украине? В Ханты-Мансийске! Безобразничает на местном телевидении, и, между прочим, за совершенно неприличные деньги. Зачем ему столько?! Звонит мне тут на днях и первым делом важно сообщает: «Я по спутниковому телефону!» И вот я думаю, может, мне встать и вытянуть руки по швам, раз такое дело?.. О, кого я вижу – мои любимые грязные пюсючки! Дарья, не могу понять: ты похудела или загорела?

– Все вместе. Привет, Митька, ну как жизнь?

– Спасибо, регулярно. А у вас как?

– А у нас тут выборы намечаются, если ты не заметил. Почему тебя не было на первом совещании? Гарик про тебя спрашивал и обещал наказать.

– Ага, в особо изощренной форме... – подмигнул Андрес.

Причина, по которой наш старый знакомый Митя, идеолог и разработчик смелых предвыборных мистификаций вроде подкупа избирателей или организации маршей протеста, не явился на встречу с кандидатом, ясно читалась в его шальных зрачках. Митьке нет и тридцати, но под глазами его окончательно поселились нездоровые тени, а о безбашенных приключениях Мити ходят легенды. Он гомосексуалист и человек большого личного обаяния. Может быть, благодаря, а может, вопреки своей сексуальной ориентации.

– Да клал я на эти совещания! Делать мне нечего... Лучше, девочки, зацените примерный план пиар-акций, раз уж пришли.

– Заценим, конечно, – ответила я, – но ты береги себя. Чтобы не получилось, как тогда в Красноярске.

Года два назад мы проводили избирательную кампанию в этом сибирском городе, и первые два месяца Митя, по своему обыкновению, фонтанировал идеями, много работал, мигом очаровал заказчика и кандидата своей кипучей энергией, всех смешил и даже успел приобрести популярность в красноярском сообществе представителей нетрадиционной ориентации.

Кончилось все неприятно – на вечеринке по случаю моего дня рождения он вдруг упал на пол и забился в судорогах. Десяти минут, пока ждали «скорую», лично мне хватило, чтобы раз и навсегда понять: наркотики – это плохо. И очень неэстетично.

Митька вышел из больницы через два дня, и все началось сначала. Его пытались воспитывать, а он в ответ задушевно декламировал:

*– Я бы новую жизнь начал снова опять,
Я бы бросил курить,
Стал бы книжки читать!*

Воспитатели махнули рукой, и Митька беспечно продолжал грешить. Его друзей радовало уже то, что он, по крайней мере, больше не проводил над собой рискованных наркотических экспериментов – не опустошал бабушкину аптечку и не бродил по лесам в поисках «грибов радости».

С монитора Митькиного ноутбука на нас глядел обещанный «план пр-акций» и подкупал своей лаконичностью.

1. Праздничные гуляния – православное торжество (календарь?), народный обычай, традиции, презентация кандидата, отработка его русских корней.

2. Праздничный концерт знаменитостей – поп-звезды поют и агитируют, все бесплатно.

* * *

– Что бы еще придумать... – озаботился Митька. – Нужен третий пункт. На счастье. А то композиция имеет незаконченный вид. Это просто некрасиво.

Трудоголик Андрес не удержался:

– А по-моему, отличная работа – в духе примитивизма.

– Ладно, Мить, когда созреешь, чтобы обсудить концепцию, звони, – сказала Васька, – нам еще надо составить медиаплан.

Мы вновь оказались в коридоре, но теперь уже с твердым намерением добраться до компьютеров и начать работу. Видимо, как это ни странно, Митькин план нас воодушевил.

В нашем кабинете я первым делом включила чайник, выудила из своей сумки чайные пакетики и вафли, которые позаимствовала еще в самолете, а Васька достала откуда-то из закромов пластиковые стаканчики, яблоко и йогурт. Обед складывался.

За чаем выяснилось, что Василиса успела познакомиться с лучшим в Северске мастером модных причесок и выяснила все расценки салонов красоты, но слабо представляет себе наш будущий медиа-план.

А что такое медиаплан? Это всего лишь схема размещения материалов о нашем клиенте в средствах массовой информации. Вы составляете простую табличку с названиями СМИ, которые работают на этой территории, и временем выхода в эфир их программ или номеров, если речь идет о газетах и журналах. Обзваниваете редакции, заключаете договора. В результате план должен показывать, как проходит информационное сопровождение клиента: например, 15 сентября, канал «ОК-ТВ», 20.00, «Новости», рекламный ролик 30 секунд.

Но написать медиа-план невозможно без заранее составленного списка всех СМИ с их контактами. Подготовить этот список – муторная и скучная работа, которую обычно стараются спихнуть на секретаря или первого попавшегося бездельника – таких хватает на каждой кампании. Но Василиса решила, что «торопиться незачем», и несколько дней ставила новые рекорды, играя в «сапера».

– Слушай, Васька, ты хотя бы в курсе, сколько в Северске телеканалов?

– Ммм... Айда спросим у Капышинского.

Мы подхватили стаканчики с чаем и отправились на поиски одного из самых загадочных персонажей в нашей команде и вообще среди всех знакомых политтехнологов.

По пути нам встретился Гарик, вид он имел несколько растерянный – похоже, конфиденциальная беседа с москвичами заронила в его мятущуюся душу смутные сомнения. Наш босс – признанный король переговоров, он виртуозно играет на нервах своих оппонентов, умело нажимает на нужные кнопки в душах высокопоставленных чиновников (или там, где, по замыслу конструкторов, должны были быть души), каким-то чудом заставляет клиентов подписывать дикие счета, при этом на его лице всегда сохраняется широкая улыбка честного человека. Люди после общения с ним обычно стыдливо ухмыляются, как будто они стали жертвами изнасилования, но с удивлением обнаружили, что им это понравилось. В общем, если Гарик недоволен переговорами, значит, на то есть веские причины и стоит готовиться к серьезным испытаниям – возможно, бюджет придется делить с еще одной пиар-бригадой, либо москвичи зарубили предложенные Гариком проекты...

Босс даже не заметил нас, пронесся мимо, погруженный в тревожные думки. А мы начали заглядывать во все двери в поисках Капышинского. Найти его удалось по запаху – господин Капышинский, будучи мыслителем в полном смысле слова, курил не пошлые сигареты, а табак. С трубкой в зубах он выглядел величаво, уже ради этого его стоило приглашать на выборы. Тем более что у Капышинского был яркий талант – он мог писать на любую тему с любой точки зрения и в рекордно короткие сроки. Из-под его пера выходили серьезные, логически безупречные статьи, аналитические записки и стратегические разработки. Писал Капышинский неохотно, но много.

Сколько помню, наше общение выстраивалось в форме пассивного диалога: Капышинский не разговаривал, а как бы мыслил вслух в моем присутствии. Он был сам по себе в самом высоком смысле этого выражения. Мы советовались с ним в особо сложных случаях орфографии и пунктуации, а также логики, философии и антропологии. Филолог, кандидат каких-то смежных наук и ужасный сноб, Капышинский попал в мир политических манипуляций неведомыми путями. Говорят, он собирался всерьез приняться за творчество, но обстоятельства неумолимо подталкивали его к пиару – занятию пустому и безнравственному (с точки зрения основательного и глубокого ума, каким себя не без оснований считал Капышинский), зато прибыльному. А деньги Капышинский не то чтобы любил – он их уважал. За ощущение свободы, независимости, за комфорт. В этом мы с ним похожи, и потому общаться мне с Капышинским всегда было легко, несмотря на все его многочисленные странности. Планерок и летучек он по возможности избегал, как и любой предвыборной кутерьмы.

– Буза, суматоха... зачем? – говорил он, бывало, и брезгливо морщился.

Он никогда и ни с кем не согласовывал стратегию своей работы. Мог часами размышлять вслух о геополитике, историческом развитии России и ее роли на мировой арене. По своим убеждениям Капышинский был, кажется, нео-монархистом, выступал против демократии вообще и принципа выборности в частности. Он заявлял:

– Все это фикция, обман, мираж... И бессмысленная трата денег.

Его точку зрения разделяли многие политконсультанты, но говорить об этом вслух считалось моветоном. Когда же президент отменил выборы губернаторов и началась великая эпоха назначений, за Капышинским утвердилась недобрая слава пророка и буревестника.

– Привет, можно к тебе?

– Что это, – Васька потянула носом, – вишня? Вкусно. А у тебя есть со вкусом шоколада?

– Мы по делу. Ты случайно не готовил список СМИ Северска и прилегающих районов?

Ну, чисто из любопытства?

Капышинский презрительно выдохнул из себя ароматный дымок.

– Некоторые деятели, – начал он, – почему-то уверены, что стоит им натянуть короткую юбку и каблук с ромашками, и мир будет у их ног. Так вот – это неправда.

Я в очередной раз подумала, что заниматься сексом с этим человеком, наверное, то же самое, что читать словарь технических терминов на немецком языке.

– Ну хорошо, мы лодыри. А ты что делаешь?

– Читаю обзор местных материалов, в которых фигурировал наш кандидат за последние три месяца. Надо же хоть кому-то понимать, какой у Петрова здесь сложился имидж.

– А где ты это взял? – удивилась Васька.

Оказалось, у Андреса, которому было просто лень тащиться с большой папкой до нашего кабинета. Вот что бесит больше всего на кампаниях – все считают себя творческими личностями и не хотят работать командой. Как заметил однажды Гарик: «Кругом гении, некому даже телефонную трубку поднять!»

Мы все-таки договорились с Капышинским встретиться вечером за ужином и обсудить дальнейшие действия. Из соседнего кабинета доносились повизгивания неугомонного Митьки.

– Зайдем на минуточку, – предложила я, – заодно поговорим с Андресом.

– Давай, – быстро согласилась Васька, – все равно день потерян.

Митя встретил нас неуместным вопросом:

– Ну, как продвигается медиа-план?

– Потихоньку, – призналась Василиса.

– А знаете, почему? – захихикал Митька. – Потому что...

Ни строительство дома,

Ни путь капитана

Не получатся, если их делать без «плана»!

Угощайтесь!

– Теперь у нас появился свой дилер, – забурчала Васька, но трубочку из рук Мити приняла без колебаний, запыхтела и вскоре стала похожа на маленького симпатичного дракончика.

Первый рабочий день подходил к концу.

* * *

По правилам политического консалтинга отвезти нас в роскошный северский особняк полагалось централизованно, всех вместе. Хотя бы на первый раз. То есть – нас с Васькой, Гарика, Николая, Тимура и Капышинского. И, естественно, Митю. Иначе, как любит говорить

Гарик, возникает «атмосфера нездоровой свободы», консультанты идут вразнос, кто-то стремительно выпадает в запой, кто-то пытается подражаться со стриптизершей в клубе, кто-то просыпается в чужих трусах в неизвестном подъезде – одним словом, летят графики, срываются сроки выпуска агитматериалов, и возникает столь нелюбимая Капышинским буза и беготня...

Да что там говорить, если однажды в теплом приморском городе Гарик сам звонил нам и нетвердым голосом шептал:

– Аоооо... Даша... я на шестьдесят седьмом километре, пришлите за мной, пожалуйста, машину.

– Гарик... какой шестьдесят седьмой километр? Какая трасса? Как ты туда попал в шесть утра?

– Тихо, Даш, не ори, голова раскалывается, и телефон разряжается... Ничего не знаю. Проснулся – рядом дорога и столбик: «67 км».

Одним словом, ехать полагалось вместе. Дело осложнялось тем, что Тимур и Капышинский люто ненавидели друг друга. Прямо-таки органически не переносили. Что-то такое у них в свое время произошло – то ли не поделили девушку, то ли разошлись во взглядах на концепцию государственной политики. А может, это была инстинктивная ненависть Капышинского, рафинированного интеллектуала, к плебеям-маргиналам в лице Тимура.

У консультантов вообще сложные отношения с народом. Потому что большинство политконсультантов – так уж складывается – принадлежит к породе экзальтированных эгоистов, и сложнее всего для них думать о ком-то, кроме себя. Волей-неволей приходится думать о клиенте, потому что клиент платит. Но от избирателя консультанты страшно далеки. Они не всегда помнят, чем живет народ, сколько зарабатывает, что читает и что смотрит вечерами. Политтехнологи компенсируют это буйной фантазией.

Порой фантазия дает сбой. Тогда в политических листовках появляются обороты «как мы помним, еще у философа Лосева» или рассуждения о плюсах и минусах японской кухни по сравнению с итальянской. Потому что, объясняют политтехнологи, «все эти рассуждения о коммуналке и нищете людям уже осточертели, им хочется свежей экзотики»...

Неправда. Людям никогда не надоедает жаловаться на сантехников, как женщинам – перебирать воспоминания о беременности, как старикам – оживлять свою молодость, как сантехникам – пить. Смешно сказать, но под веселенькую политическую или коммунальную интригу великий русский народ способен сожрать любой мусор – то есть, простите, нашего кандидата. Судимого за групповое изнасилование или вора в законе, циркового клоуна или опасного психопата.

У Тимура, потомственного люмпен-пролетария, есть свои плюсы. Например, он почти всегда нюхом чувствует, какими сериалами, ток-шоу, ночными клубами и прочими именинами сердца живет электорат в любом городе. Но есть и минусы. Много. Перечислять все нет смысла, достаточно вспомнить, что у Тимура передние зубы золотые, и его несколько раз жестоко били за воровство на предвыборных кампаниях. Сама не видела, но с удовольствием бы посмотрела. К тому же Тимур раза четыре за вечер озвучил похабные шутки в наш с Васькой адрес.

Поэтому Гарик поспешил выпроводить нас обеих из офиса вместе с Капышинским, глупо хихикающих, вручив бумажку с адресом дома, ключи и велел найти во дворе серебристый «ниссан» с водителем.

«Ниссан» оказался привозным «сэконд-хэндом» с правым рулем (в Сибири такого японского старья много). На месте водителя расселась Блондинка – на руле лежали ее двухсантиметровые ногти с рисуночком в сиропном духе.

– Да, это я вас повезу, – голосом резиновой игрушки сообщила Блондинка, – я – Виолетта.

Мы икнули в унисон.

– Осторожно, не садьте на масика!

На сидении лежал плюшевый заяц. Синего цвета.

– Вы уверены, – шепнул Капышинский, – что она настоящая?..

– Надо ее потрогать.

– Иголочкой потыкать! – радостно заржала Васька.

Тимур, как выяснилось, встретил Виолетту в ночном клубе. Там она искала свое истинное «я». Тимур сообщил, что президент Путин лично поручил ему найти в Северске заблудшие души, пока он, Путин, слишком занят вступлением в ВТО и другими проблемами. Виолетта ответила, что, в общем-то, Путин ей нравится – у него сексуальные уши. Тимур обещал устроить ее на веселую работу – и вот в результате она весь августовский день проторчала в пыли, не сделала маску для ногтей, пропустила «Сашу и Машу», а сам Тимур так и не объяснил, в чем будет состоять ее новая работа.

– Не может быть, чтоб настоящая, – резюмировала я.

Город Виолетта знала плохо, водила еще хуже, к дому мы прибыли сквозь тернии, но дом заново впечатлил всех.

В комнате, которую Васька припасла для меня, все сияло крахмальным светом, как в раю: недвусмысленных размеров кровать, необъятное зеркало и золоченый иконостас в углу. Солидный Господь для солидных господ. (Привет В. О. Пелевину!)

– Ох, Вась, а чего тут так много Боженьки? Мне перед ним даже переодеваться неудобно.

– Привыкай. Тут в каждой комнате так духоподъемно. И даже в бильярдной. Хозяин, как ты понимаешь, грешил без меры. Еще скажи спасибо, что иконы, а не лица невинно убиенных и ограбленных. И мальчики кровавые в глазах... Бог с ними, Дашка, побежали лучше смотреть камин с инкрустацией!

– В виде лика Божьего? – мрачно ухмыльнулась я.

– Не богохульствуй.

Камин тихо сиял – судя по всему, в доме было кому разжечь камин, позаботиться о туалетной бумаге и даже выстирать носочки усталым политтехнологам. Он был великолепен, как Лувр, как Шанхай, как лосось-гриль под мятным соусом. Мы зарылись пузиками в ковер и смотрели на огонь. Васькина кожа казалась темно-персиковой от огня, а глаза были цвета вишневого варенья.

– Ты думаешь о том же, о чем и я?

– О чем? – вяло уточнила Василиса.

– В каких словах обрисовать электорату радужные дали. Как дать им понять, что Петров любит их безмерно и придет, как добрый царь-батюшка.

– Ага... только я совершенно об этом не думала. Я думала – интересно, сколько лет Перцелю?

– Тридцать семь? Тридцать четыре? Тридцать пять?

– Баба ягодка опять...

– Он заказчик.

– Но ведь не кандидат.

– Еще не хватало – соблазнить будущего президента России!

– А что, – мечтательно потянулась Вася, – это было бы... роскошно.

У нас есть один-единственный нравственный принцип – не заводить романов с заказчиками и кандидатами. Юной женщине немыслимо сложно иметь достойную репутацию в политическом закулисье, а о какой репутации можно говорить, если за тобой тянется амурный шлейф?

Страшно сказать, когда я была почти ребенком и организовывала встречи с народом для своего первого в жизни кандидата в Облдуму, меня несколько раз настойчиво просили надеть юбку подлиннее. По мере того, как обретались длинные юбки, опыт и репутация, наш с Вась-

кой нравственный принцип стал накрепко въевшимся атавизмом – вроде детской привычки не наступать на собачьи какашки и трещины в асфальте.

– Какой еще роскоши тебе не хватает, Василиса Прекрасная? – хитро вполз в каминный зал Гарик. – Чего еще, после того, как мы привезли тебя в этот роскошный дом, где ты окружена нами?!

– Вот именно. Если бы вас не было вокруг, меня бы еще могли принять за приличную девушку. А так никто не ошибется...

Потом мы утащили коллекционное «Шато Лафит Ротшильд» из хозяйского бара и распили всей толпой на кухне, из чайных чашек. Традиционно обсудили эволюцию российского политического режима и сравнительные достоинства телефонов Nokia и Sony Ericsson – причем Тимур с Капышинским снова чуть не подрались.

– Друзья мои, а теперь внимание-внимание! – томно изрек Митя. – Судя по исследованиям, у нас тут проблемы с психоэмоциональным фоном. Говно жизнь у электората, одним словом. И чего-то грустит наш электорат... Так что параллельно с агитацией запускаем поддерживающий проект. Кодовое название «Я люблю жизнь». Что-нибудь вроде «Болен СПИДом с бодрым видом!» Праздники! Фейерверки! Конкурсы! Модельеры и телезвезды! Мы за групповой секс! Пиво и шашлыки каждому сибиряку и северцу!

– И групповой секс будет? – деловито уточнил Николай.

– Нет, – опечалился Митя, – это метафора. Будут Дима Билан, Елка, братья Гримм, девочка Глюкозка, снова беременная Алсу... Вот думаю, может, Эминема позовем?

– С хуя ли загуляли? – ошарашенно спросил Капышинский. В переводе на дипломатический язык это означало: «А не выйдем ли мы из границ бюджета предвыборной кампании, пригласив всю высокооплачиваемую российскую попсу?»

– Гуляем! – беспечно махнул рукой Гарик и потянулся за текилой. – Не каждый день преемника выбираем. Кремлю от проекта чистая выгода – народная любовь на далеких окраинах, все танцуют и поют, и семечки плюют.

– Тогда давайте позовем «Ундервуд»!

– Или Юлю Савичеву, – застенчиво сказал Николай и от смущения откусил лимон вместе со шкуркой.

Домашняя вечеринка узким кругом, по всем признакам, набирала обороты. Тимур уже собирался звонить Виолетте и приглашать ее на секретное ночное совещание. Гарик с недопитой бутылкой текилы и солонкой отправился выяснять, на какую кнопку нужно нажать, чтобы включить сауну. Капышинский мирно дрых носом в винной лужице. «Летящей походкой! Ты вышла за водкой!» – вопили Коля с Митей, приличные, казалось бы, люди, искупая неверный мотив энтузиазмом.

Отлично.

В последний раз, когда мы пили в общем составе, в одном симпатичном городе на Волге, Гарик наутро забыл надеть носки, идя на совещание к заказчику, а я чуть не опоздала на самолет и к тому же забыла в этом вертепе ключи от собственной квартиры.

– Заметь, Васька, пятеро мужчин в доме, а мы по-прежнему одинокие женщины.

– Четверо. Четверо мужчин и Митя, – уточнила Васька и обняла ножку стола, потому что была не трезвее остальных. – И когда это мы успели наклюкаться, как зонтики?..

– Тьфу, заррраза, так и пройдет вечер без пользы для души! А хочется с природой соприкоснуться, погрузиться в ее лоно... то есть чрево...

– Васька! Мы – клопы. Мы еще не видели великой сибирской реки! Ну-ка соберись, тряпка! Ну что ты расползаешься, как листовка!

Васька вяло отбивалась. Отказывалась обувать туфли. Зачем-то взяла тапки Тимура. Потом помню только машину и отсветы на шоссе.

– Ямщик! – кричала Василиса. – Отвези нас по ленинским местам! В шалаш!

– Хлопай ресницами и взлетаай! – пронзительно орала я. – Что значит – не было Ленина?! Я чую его запах! Тогда Пришвин! Вези нас к Пришвину, извозчик!..

Ночь размазывалась. Васька тихонько и очень деликатно наблевала в машине. Мне казалось, шофер тоже искренне веселится. Потом река окружила нас – кажется, отовсюду одновременно. Тяжелая и гладкая, как цеховая труба, она была воплощением всего великого и чудовищного в нас.

Не помню, как мы спустились к воде. Не помню. Не помню ничего.

– Я рыба, – заявила Васька, нетвердо переступая в тапках Тимура по камням. – Нет. Я океан, и рыбы у меня внутри.

Порнографически бледнел рассвет, а с ним возвращались чувства времени и пространства, замещая пьяную лирику.

– Пойду писать, – хмуро заявила я, разглядывая черные кусты у воды и осознавая, что шофер давно и несомненно уехал.

– И я! Какого черта ты не проследила за моей обувью?! Я не могу свободно дышать в этих лаптях!

– Тут наверняка змеи...

– Подвинься, ты сейчас обоссешь тапки Тимура!

– Васька! Да не журчи ты так громко! Это что за звук?!

Мы застыли без штанов, как перепуганные кошки, и слушали.

Шаги.

И голос. Человеческий. ГОЛОС ПЕРЦЕЛЯ.

– Андрей Вячеславович, я не понимаю... вы мне полчаса объясняете, что никакого проекта «Преемник» не существует? С тем же успехом вы можете сказать, что не существует рассвета и заката. Или меня, или вот этих кустов... Вы в своем идеологическом отделе можете дофилософствоваться до чего хотите, но это, извините, бред!

– Егор Сергеевич, успокойся, – отрезал Курочкин. Ну конечно, Курочкин! Кстати, у него обаятельный голос, у старого интригана, мягкий и порочный. – Посмотри на воду, подыши, где ты в Москве подышишь... Я говорю – хорошо бы, если бы этого проекта не существовало. И это пока в наших силах.

– Объясните...

– Объясняю. Петров – человек слабый. Петров – человек зависимый. Он – марионетка, и сам понимает это лучше других. Поэтому у него всегда такой скучный вид. Он не хочет быть президентом, и я, между нами говоря, прекрасно его понимаю. Мирный человек, хороший исполнитель. Подумай, Егор, что лично ты приобретаешь и выигрываешь, если Петров станет президентом? Да ничего. В лучшем случае премию. А что страна получает, если Петров становится президентом? Даже меньше, чем ты.

– Не пойму, к чему вы клоните.

– Егор, те люди в Кремле, которые несколько лет двигали в президенты Петрова, – они, как ты знаешь, не единственные, кто может на что-то влиять. Есть другие группы влияния. Тебе это известно как никому другому, так что я с тобой не собираюсь играть в прятки. Просто ответь мне, вот здесь и сейчас – ты готов работать на то, чтобы пришли в Кремль люди, стоящие за Петровым? Все эти банкиры с нацистским душком...

– Ваша речь, Андрей Вячеславович, похожа на дешевую разводку. За другими претендентами тоже не ангелы стоят. Группировок в Кремле не так много. Реальных ставленников у них тоже не так много. И что-то я не припомню среди них принцев Гамлетов.

– Гамлеты в наше время, сам понимаешь, фигуры нежизнеспособные. А насчет группировок... Ты уверен, что все знаешь? Уверен, что нет сообществ, объединенных чем-то, кроме минутных политических амбиций и желания повыше вскарабкаться? Какой-нибудь Ложи принятия решений?

– Странноватый вопрос...

– Егор, это не первый раз, когда мы с тобой работаем вместе, в связке. Я тебя использовать втемную не собираюсь и подставлять тоже. Есть люди в Кремле, достаточно информированные, достаточно влиятельные, и они заинтересованы в другом преемнике. Объединяет их не политика. Я бы даже сказал, это историческое объединение.

– Предположим, вы мне не сказку тут рассказываете. Кто этот «другой преемник»? Раскрученная фигура?

– Вполне. И я тебе ее назову. Нет, не здесь и не сейчас. И, скорее всего, она тебе покажется не идеальной. Потому что – ты прав, Егор Сергеевич! – нет принцев Гамлетов среди наших политиков, над этим нам еще работать и работать. Но с ним может произойти некая метаморфоза за эти месяцы...

– Метаморфоза?.. – уточнил Перцель. – Какая метаморфоза? Я ничего не понимаю, Андрей Вячеславович. Как можно... Да и главное – кто, если не Петров? Демократы? Самоубийственно. Все, на что они способны, – это истерики. Скоморошные радикалы? Коммунисты? Еще более самоубийственно, и вы знаете почему. Вы же сами работали со всем этим. Я вам, конечно, доверяю... но, Андрей Вячеславович! Мы с вами не в общественной организации «Солнышко» работаем. Велась работа по проекту «Преемник», деньги выделены, и я за них отвечаю. Какой у меня резон ставить под удар свою репутацию и работу?

– Егор Сергеевич, а ты никогда не задумывался о более спокойной работе? И более интересной? Уйти, например, на должность замминистра экономики и финансов в правительство?..

Повисла натуральная, не театрализованная пауза.

– Интересно девки пляшут... – пробормотал Перцель.

– Пойми, Егор, тут нет никакого заговора, и переворота тоже нет. Я тебя не подкупаю. Переманиваю – может быть, но тут уж я в своем праве. Ты не офицер лейб-гвардии, а Петров – не наследник короны Российской империи. Никто из нас клятву верности ему не приносил. И мы не просто можем, я бы сказал, мы должны сделать эти выборы не безальтернативными, а вполне альтернативными. В пользу людей, которые не продадут Россию под шумок. Конечно, сейчас, под шумок, можно повернуть любую аферу. А шумок будет такой, что мама не горюй!

– Андрей Вячеславович, мне нужна информация. Чего хотят люди, о которых вы мне тут рассказываете? Кого они хотят? Какие деньги за ними стоят?

Голос Перцеля звучал глуше. Мы стремительно трезвели и выворачивали уши наизнанку, сжавшись в позе эмбриона на грязных камнях.

– Не понимаю, если все это глобальный отвлекающий маневр, зачем разворачивать штаб, зачем приглашать этих консультантов? В конце концов, можно было набрать команду подешевле!..

Васька рядом со мной протестуя, но абсолютно беззвучно сжала губы.

– С ума ты сошел, Егор Сергеевич. На штабы Петрова вся Россия смотрит. Не только электорат. Сотни кремлевских глаз. Настоящий герой до самого последнего момента не появится на сцене – в этом, конечно, есть определенный риск, но если он вылезет раньше времени, то проиграет сразу и бесповоротно. Так что стоит рискнуть.

– Но финансирование...

– С финансированием все будет чисто, – внушительно произнес Курочкин. – Пусть политтехнологи у нас работают. Свободные творческие люди. Со всеми своими... ромашками. Пусть самовыражаются. А мы начнем корректировать ближе к финалу. Зачем торопиться?

– Андрей Вячеславович...

– Прохладно тут, и светает. Пойдем, Егор Сергеевич, машина ждет. Еще договорим. Еще будет время.

Еще минут пять мы, замерев, как суслики, слушали удаленное шлепанье вершителей истории. Потом я натянула трусы. Осмотрела собственные грязные джинсы и джинсы Васьки и высокохудожественно выругалась матом.

– Как они сюда попали?! – потрясенно выговорила Васька бледно-синими от холода губами.

– Вот как мы сюда попали...

– Я думала, ты знаешь, – смущенно призналась она.

– Как ты думаешь, они это всерьез или под действием психоделических средств?

– Кокс? В общем, похоже...

– Если кокаин, тогда все, приехали – плакало финансирование нашей кампании!

На шоссе стояла гулкая тишина. Мир замер и ожидал наших шагов. Мы шагнули в него. Надо было о многом подумать.

* * *

Утром мы с Василисой сидели в кабинете и думали.

Избирательная кампания по сути та же война. Здесь есть свои и враги, и генералы, и рядовые, на идеологических фронтах грохочут орудия, по территории неприятеля рыскают шпионы, разведчики, диверсанты... Словом, предательство Курочкина нас не шокировало. Надо было спасти собственные любимые шкурки – на войне как на войне.

Сначала в патриотическом порыве мы решили донести обо всем Гарику. Но постепенно, вспоминая детали вчерашнего разговора двух кураторов, засомневались.

Васька осторожно напомнила, что по пьяни воображение может разыграться не на шутку, и вообще удивительно, что мы, приняв такое количество алкоголя, увидели только Курочкина с Перцелем, а не пляшущих зеленых человечков.

А мне пришло в голову, что тяжелые обвинения против московских кураторов могут стоить нам карьеры. Слишком высокий уровень. Курочкин представляет интересы тайной кремлевской группировки, у которой свои планы на президентские выборы. И в эти планы наш Петров не входит. Кого они хотят сделать президентом – вопрос десятый. Важно другое: Курочкину непонятным образом удалось замаскироваться и пролезть в кураторы петровской кампании. Этот волк в овечьей шкуре, судя по всему, уже совратил Перцеля. Теперь «сладкая парочка» начнет потихоньку, без лишнего шума, «сливать» петровскую кампанию. Загубить предвыборный проект легко – существует тысяча способов, и все они, конечно, прекрасно известны интригану Курочкину: бумажная волокита, палки в колеса собственной пиаркоманде, финансирование сумасшедших идей... Можно, например, выписать из-за границы Мадонну для участия в агит-концерте – оставшихся после этого денег гарантированно не хватит и на сотню листовок, даже написанных вручную.

Передо мной и Васькой каменной стеной встала неприятная дилемма. С одной стороны, подслушанный разговор делает изначально бессмысленной всю нашу работу на этой кампании. Пиарщики – люди настроения. Для нас важно не просто заработать на хлеб, но и не заскучать при этом. С другой стороны, гонорар с выборов такого уровня гарантирует полное освобождение от финансовой депрессии минимум на полгода.

– Но представляешь, нам придется много месяцев создавать вид кипучей деятельности, – опечалилась Василиса, – а более утомительного занятия нет в природе. Как будто читаешь книгу с конца.

В жизни нашей уже была одна кампания с заранее известным сюжетом. Вся команда работала на одного явно непроходного кандидата, и весь смысл нашего трехмесячного дуракаваления состоял в том, чтобы хоть немного переключить внимание народа с лидера предвыборной гонки на эту подставную фигуру. Будущий победитель был известен всем – за ним

мощной стеной стоял местный криминалитет, но для порядка требовалось изобразить альтернативных кандидатов, причем безопасных, то есть с нулевым шансом на выход в финал.

Выборы были мизерного масштаба, деньги смешные, подставной фигурант – склонный к запоям человек, конечно, о победе никто и не заикался. Вся команда тогда состояла из нескольких неуравновешенных гениев, включая водителя.

Раз в две недели кассир от «братков» привозил нам деньги. Васька засовывала пачки в дамскую сумочку и развозила бабло по редакциям – благодаря этой нехитрой процедуре в местных газетках появлялись слепленные тяп-ляп материальчики про фальшивого кандидата.

Все остальное время мы маялись от безделья, прочитали все книги, которые нашли на съемной квартире, каждый день ходили в кино. Со скуки я даже переспала тогда с Николаем, иногда забегавшим к нам в офис, и начала изучать испанский. Самое интересное, что после окончания той синекуры Василиса заявила, что ей срочно нужно отдохнуть от ничегонеделанья и от меня, и улетела в Тунис.

– Но в этот раз городишко побольше, – рассуждала я, – и вообще вокруг рекордное количество интересных людей, наверняка будут попадаться даже доктора наук...

– Ты уже видела хоть одного? – живо заинтересовалась Василиса, питающая слабость к интеллектуалам.

– Знаешь, Васька, если кому-то не жаль тратить миллионы на политическую авантюру – это их проблемы. Наша задача: расслабиться и получать удовольствие.

В результате было решено: во-первых, плыть по течению, во-вторых, держать язык за зубами, и, в-третьих, работу выполнять, но без фанатизма. Часа три мы честно трудились, обзванивали редакции, узнавали расценки на рекламу и осторожно намекали на «джинсу» (это когда рекламная по своей сути статья подается под видом обыкновенного журналистского материала), одновременно чертили схемы северского телеэфира. Злополучный медиаплан начал приобретать реальные очертания. Потом Васька накрасила губы и поехала налаживать более тесное знакомство со СМИ, а на самом деле банально кокетничать с редакторами и их замами, чтобы выпросить скидки и вообще подружиться. Потому что журналистам надо не просто платить, их надо любить и лелеять:

кормить вкусными обедами, восхищаться талантливым пером, травить неприличные анекдоты и панибратски хлопать по плечу при встрече. Даже у самых прожженных журналист есть некоторые представления о человеческой благодарности, и можно надеяться, что в конце концов они немножко полюбят и вас с вашим кандидатом, а этого не купишь ни за какие деньги.

Я в очередной раз набрала номер мобильного телефона Андрея Афанасьевича Одинокова, пресс-секретаря губернатора Северной области. Гарик дал поручение «навести мосты». Трубка вновь ответила долгими гудками. От скуки я тихонько пропела в телефон:

– Где тебя носит, крейсер Аврора, в час, когда утро встает над Невой?..

Вдруг тонкий мужской голос ответил «Алло?», да так неожиданно, словно Одинокоев отреагировал на мой лирический призыв.

Я скороговоркой объяснила ситуацию и предложила встретиться. Трубка весело заквакала в ответ:

– Дарья, да? А я смотрю – номер незнакомый, и не отвечаю. Да, мы в курсе. Да, будем содействовать. Да, надо встретиться.

* * *

Первым делом он заглянул под стол, ощупал столешницу и внимательно исследовал электрический провод от маленькой лампы.

– Что-то не так? – спросила я.

Местом встречи был выбран небольшой китайский ресторанчик, где Одинаков потребовал отдельный кабинет и недовольно осмотрел легкую дверцу из тростника. Теперь он стоял посреди комнатки и озабоченно разглядывал потолок – видимо, подозревая скрытые камеры наблюдения.

– Подстраховка, – объяснил наконец мой спутник. – Профессиональная привычка.

– Вы работали в ФСБ? – Я очень удивилась, потому что мсье пресс-секретарь меньше всего походил на мастера интриг и шпионажа. На вид ему было около сорока. Физиономия принца в многолетнем изгнании. С первого взгляда понять, что это за птица, не удалось – бил по глазам дикой расцветки галстук, недоумение вызывали и мальчишеские джинсы, и золотой браслет на хилой ручонке, и дорогой портфель прекрасной кожи. Он мог оказаться стареющим геем, или просто дураком, или всем вместе.

– О, нет, я по образованию историк. Но время такое, что надо быть настороже. Вы уверены, что здесь мы находимся в информационной безопасности?

– Нет, – честно ответила я, – но мы ведь не собираемся обсуждать государственные тайны.

– Дашенька, вы еще так наивны. Всегда надо быть готовым...

– К труду и обороне?

Мсье Одинаков печально улыбнулся – мол, ах, Дарья, как вы юны и глупы. Старый ты козел, беззлобно подумала я, пей молоко перед сном для успокоения нервов.

Впрочем, разговор налаживался. Меня на благодушный лад настроило запеченное в карамели яблоко. Андрей Афанасьевич лакал из маленькой пиалы зеленый чай, потихоньку приходил в себя и казался вполне адекватным. Он посоветовал внести кое-какие изменения в медиаплан, порекомендовал парочку дельных писак, а главное – заверил в полной лояльности, добавив, что за последние годы губернаторская администрация сделала все, чтобы большая часть СМИ региона находилась у них «под колпаком». Оставалось выяснить, знают ли об этом сами журналисты.

Прощаясь, Афанасьич вновь что-то нервно бормотал о конспирации. Половина сказанного им означала что-то другое, а другая половина вовсе ничего не означала. Мне стало его жалко: Одинаков, Одиносик, какие злые дяди так тебя напугали и за что? Может, работа на губернатора, известного деспота и тирана, нарушила навсегда душевный покой и превратила любителя истории в параноика и истеричку?

Вдруг взвизгнул телефон.

– Дашка, – затараторила в трубке Василиса, – представляешь, Петрова зачем-то понесло на металлургический комбинат встречаться с рабочими, хотя мы планировали это на завтра. Курочкин, мать его, постарался! Мол, пока Петров в Северске, надо использовать момент. В общем, туда уже подогнали всех жуток и телевизоры, через час наш Петрович появится в вечерних новостях. Давай скорее к нам, нужно написать четыре абсолютно разных пресс-релиза.

– А может, без релизов обойдемся? Все-таки премьер федеральный – журки и без нас скажут все, что надо: типа, к нам приехал наш любимый Петрович дорогой... Честно говоря, я хотела по магазинам пробежаться.

– Они скажут, – мрачно согласилась Васька, – но не факт, что в нашем ключе.

– Васенька, а так ли это важно в свете новых обстоятельств...

– Ты, конечно, права, но сейчас рядом стоит Гарик и обещает лишить тебя суточных.

Пришлось napроситься в машину к Одиносику и всю дорогу до штаба лучезарно ему улыбаться.

* * *

За вечерним чаем мы совсем по-домашнему собрались всей командой посмотреть телевизор. Станный и внезапный визит Петрова стал событием дня, репортеры всех каналов дружно цитировали наши пресс-релизы, и даже Николай остался доволен, заявив, что с юридической точки зрения все пока идет неплохо.

На Северск опускался теплый августовский вечер, в открытое окно влетал ветер, принося густой запах листвы и асфальта. Гарик развалился в кресле с видом Наполеона, отдыхающего после Бородинской битвы. Семен Семеныч, приглашенный в гости, задумчиво размешивая сахар в кружке, советовался о чем-то с Николаем. Митя вполголоса рассказывал Тимуре очередную басню – тот слушал внимательно и при этом следил, чтобы его колени не соприкасались с Митиными. Андрес листал порножурнал, иногда Капышинский лениво заглядывал к нему через плечо, и они обменивались впечатлениями. Мы с Васькой увлеченно шептались.

– Никак не пойму, кого они хотят сделать презиком, если не Петрова? И главное – кому это нужно?

– И при чем тут Стабфонд? Я читала: Минфин перевел часть в валюту, часть вложил в ценные бумаги, но, в принципе, вся ботва лежит в Центробанке.

– Работаешь на выборах, а говоришь такие наивные вещи. Написать можно что угодно.

– Ой, а Перцель-то в Минфине работает... Курочкин его «засланным казачком» хочет сделать!

– Ну, а при чем тут «судьба России» и зловещие предсказания катастроф?!

– Что за секретики от коллектива? – строго спросил Гарик, который, оказывается, все это время наблюдал за нами.

– Никаких секретов, – ответила я, – мы обсуждали электоральный потенциал кандидатов.

– А что тут обсуждать? – встрял Капышинский. – Все сто лет как известно. Во-первых, коммунисты – товарищ Дюганов каждый год обещает уйти на пенсию, но времени на раскрутку нового лидера у них нет, и отдуваться, похоже, придется опять ему. Во-вторых, «Родная земля» выставит Погодина. Он, конечно, расплевался с половиной кремлевской элиты и косит под демократического идиота, но электорату нравится все яркое. Погодин роль свою знает, и кремлевские это ценят. Не зря он в последнее время замелькал в телевизоре. Ну, и какие выборы без Крижановского? Есть еще порох в пороховницах и деньги в рукавицах. Тем более что, согласно «контракту», в этих соревнованиях для него и для остальных главное – участие. А дальше – в смысле кандидатов – всякая мелюзга...

– А в смысле шансов на победу? – закинула удочку Васька.

– Ноль целых, хуй десятых, – ответил за Капышинского Митька. – Петров forever. Кстати, Капа, ты забыл один важный момент. Обязательно будет женщина. Скорее всего, гламурная. То есть – Маргарита Акутагава. Это сейчас модно, заодно весь мир увидит, какие мы якобы цивилизованные и передовые. Хотя в России у кандидата-гея и то больше шансов. Даже сами тетки никогда не проголосуют за женщину-президента...

– Неправда! – звонко крикнула Васька. – Лично я всегда голосую за женщин!

– Василиса, – примирительно сказал Митя, – ты не тетка, таких в стране меньше процента.

– Кстати, о меньшинстве, – взял слово Андрес, – не забудьте про правых. Говорят, Белинский едет агитировать на Урал.

– Да тут он, в Северске, – вдруг просто сказал Семеныч. – Вернее, его команда. Сегодня утром целый десант высадился.

Кто бы мог подумать, что молчаливый начальник безопасности произведет такой эффект. Мы дружно разинули рты. Даже Гарик слегка приподнял бровь:

- Откуда информация?
- Свои источники, – лаконично ответил Семеныч, и все мы вспомнили, что бывших чекистов не бывает. Я вежливо потребовала подробностей:
- А что за люди?
- Дорого берут. Но работают чисто. Заказывали им тут одного. Выиграл. Правда, почти сразу умер... От радости.
- Мы понимающее хмыкнули, обученные профессиональному отношению к жизни.
- Семен Семенович, а это случаем не «красноярские подонки»?
- Подонки? – Чекист задумался на пару секунд. – Пожалуй, можно и так сказать. Главный у них Мерзляков.
- Опять этот педик! – гаркнул Тимур. – Он мне бабки должен еще с прошлой кампании.
- Данила Мерзляков? – переспросил Митя. – Он не педик. И, кстати, можешь навсегда забыть о своих деньгах.
- Да погоди ты... Помнишь, Дашка, вместе с ними работали на выборах мэра?..

* * *

Кажется, это было сто лет назад. Очередное безденежье вынудило меня согласиться на предложение Тимура поучаствовать в предвыборной кампании крошечного городка.

Меня поселили в профилактории машиностроительного завода. Каждую ночь туда закатывались веселые компании. Уши резал пьяный смех блядей. В окна светили первобытные звезды, индустриальный пейзаж наводил тоску, от дикого холода вода в чайнике покрывалась корочкой льда за десять минут. Но что-то, несомненно, было в этих заснеженных просторах и самих жителях. Предстояло разобраться, что именно, иначе будет сложно сочинять листовки и агитгазеты.

По словам Тимура, было только два реальных кандидата – действующий глава города Шишкин и директор местного завода Кулик. Победить должен был директор завода, за которым стояла крупная финансовая фигура, потихоньку скупающая предприятия региона.

Интересы этой фигуры как раз и представляла в штабе группа людей с неоднозначной репутацией, которых в профессиональной тусовке за цинизм и неразборчивость в средствах прозвали «красноярскими подонками» – в этом не было злобы или осуждения, простая констатация факта.

Эти хваткие ребята, благодаря природной наглости и абсолютному отсутствию каких бы то ни было принципов, ловко воплотили в жизнь мечту каждого авантюриста – «удачи и лохов побогаче».

К слову сказать, все «подонки» имели по два высших образования, здорово разбирались в перипетиях закулисных игр и обладали невероятным нюхом на все, что плохо лежит.

Из-за своей беспредельной вороватости они, собственно, и попали в этот захолустный городишко. Вначале они ударно потрудились в команде одного небезызвестного олигарха, у которого были наполеоновские планы по захвату нескольких заводов края.

В один прекрасный день из фондов олигарха пропал вагон бумаги. Подняли всю документацию, бегали-кричали, размахивали руками и рвали на заднице волосы. Но напрасно – вагон исчез с лица земли, как корова языком слизнула. Когда «подонки» сообщили об этом самому «папе», тот меланхолично ответил:

- А в чем проблема? Купите еще один.

Вот тогда ребята поняли, какая удача им привалила. И начали дойку олигарха. Ему нежно нашептывали в уши проекты, один безумнее другого. Олигарх верил, и деньги текли в карманы предприимчивых «подонков». Но даже на старуху бывает проруха – какие-то завистники не поленились просветить «папу» относительно его чересчур ловких помощников. «Папа» брезг-

ливо подсчитал убытки, удивился и вызвал «подонков» на ковер. Насколько я знаю, им было предложено: либо они крысят по-божески и при этом выигрывают кампанию в том самом крохотном городке, чтобы хоть как-то загладить ошибки прошлого, либо их холеные тушки обнаружат утром в придорожной канаве.

«Подонки» слегка побледнели и в тот же день отправились покорять провинцию. Однако довольно скоро они поняли, что без посторонней помощи в этом дремучем лесу не обойтись, и решили пригласить дополнительную рабсилу. То есть нас.

Помню, «подонки» во главе с Данилой Мерзляковым показались мне слегка высокомерными, но милыми. Они вызвали симпатию самим фактом своего неустойчивого положения, как пираты на тонущем корабле, – всем было известно, что олигарх шутить не любит. Они дорого одевались, хорошо пахли и сверкали обворожительными улыбками флибустьеров. Один из них, узнав, что из-за холода юная пиарщица спит в носках и кофте, пожертвовал мне свой обогреватель. Уверена, это был единственный героический поступок в его насыщенной жизни.

Выборы мы выиграли. Кулик набрал сумасшедшее количество голосов – в основном благодаря активному подкупу избирательных комиссий, который организовали «подонки».

Меня тогда беспокоило одно – как можно скорее выцарапать из этой славной компании свой гонорар. Общая неразбериха позволяла держать вопрос открытым слишком долго. А я уже не раз слышала леденящие кровь истории, как «подонки» сбегали с мест боевых действий, прихватив с собой всю наличность.

К общему удивлению, Мерзляков рассчитался со всеми сполна. Недовольным остался только жадина Тимур, который почему-то решил, что победа – исключительно его рук дело.

Но главные странности начались потом: Мерзляков продал квартиру, развелся с женой и уехал в Тибет – постигать вечные истины, сидя на хлебе и воде. Новость шокировала всех – духовности от Данилы никто не ожидал, но постепенно о главаре красноярцев стали забывать.

А через год он триумфально вернулся, загорелый и просветленный, опять пошел на поклон к олигарху и собрал своих «подонков» под новый проект. Речь шла о рейдерском захвате нескольких крупных заводов. О той кампании до сих пор вспоминают с ужасом. «Подонки» превзошли самих себя: оппонентов выбрасывали из окон, несговорчивым подсовывали наркотики и сдавали ментам, чиновники получали взятки яхтами и «фerrари». Мерзляков завел себе четырех телохранителей – на финише в живых остались двое.

Когда дело благополучно подошло к концу, Данила проделал старый трюк: раздал все долги, бросил беременную подружку и купил билет до Тибета. Прошло чуть больше года, и все повторилось сначала: олигарх – проект – мешки долларов – Тибет.

Некоторые скептики уверяли, что Мерзляков банально скрывается от врагов и правосудия. Но, по-моему, все гораздо глубже. Для Данилы, человека, безусловно, творческого (он мог за две минуты придумать стратегию рекламной кампании и даже матерился с большой фантазией), гармония жизни заключалась в крайностях: либо безумный мир больших денег, либо монастырь. Середина – скучна и смерти подобна.

* * *

– М-да, – протянул Андрес, – как говорится, иногда они возвращаются... «Подонки» – это тяжелая артиллерия. Белинский серьезно рискует подпортить свой имидж интеллектуала.

– А может, на это все и рассчитано? – осторожно спросила я. – Может, имидж «умника» решили подкорректировать, так сказать, приблизить Белинского к простому народу? Для массовости, а?

– Так, коллеги, – Гарик хлопнул рукой по столу, – завтра мне нужны ваши свежие головы, так что объявляю вечер закрытым. На горшок и спать.

* * *

Утро расплзлось по офису в безмятежной солнечной тишине. Васька напротив ожесточенно шелкала пасьянсом «паук». Тезисы для местных «золотых перьев» были уже написаны и на всякий случай разъяснены дополнительно по телефону. Это ничего не гарантировало, но так было спокойнее.

Виолетта тем временем уехала за хлопьями «Фитнесс+» для всех, утверждая, что это еда для душевного комфорта.

– Социологические исследования доказали, – с лицом маньяка шепнул Гарик, – что от хлопьев «Фитнесс+» мозги усыхают и становятся размером с грецкий орех. А у мужчин вдобавок усыхает не только мозг...

В соседней комнате Капышинский рисовал в дизайнерской программке Corel нашу с Васькой листовку «Процветание для каждого». С иконописной фотографией Петрова, разумеется.

– Это работа для дизайнера. Не понимаю, почему этим должен заниматься я... – надменно пробурчал Капышинский и был, конечно, прав.

– Лапушка ты наш, – вкрадчиво произнесла я, – но ведь только твое концептуальное мышление позволит ей быть не просто красивой, а гениальной! А твое знание психолингвистики!..

– Дарья, эта дешевая лесть наталкивает меня на предположение, что дизайнера у нас в штабе не будет вообще.

– Будет! – испугалась я. – Гарик сказал – через две недели у нас будут целых четыре дизайнера! А у нас на эти две недели в планах стоят четыре печатных объекта – две листовки и два буклета.

Капышинский задумчиво поставил в центр листовки синюю звезду и растянул ее лучи до краев.

– Свежо?

– Э-э... свежо-то свежо...

– А вот так? – Вместо звезды на заднем плане появилась гладь залива.

– А залив в каком смысле?

– В смысле: типичный сибирский пейзаж.

– Ну конечно, в Сибири на каждом шагу заливы...

– Тогда тайга.

– Но листовка же индустриального содержания!

– Так что – Гонконг поставим? – с тихим раздражением поинтересовался Капышинский.

Листовка – тонко выверенный инструмент. У инструмента есть оптический центр, есть так называемые «диагонали смысла», по которым выстраиваются главные, заповедные слова. Они исподволь прилипают к вашим глазам, стоит вам бросить на листовку самый беглый, самый необязательный взгляд. Это тайны мастерства.

Но, к сожалению, в эту тонкую работу частенько вмешивается эстетическое чувство дизайнера, а это страшное оружие – типа кирпичка. Дизайнер стремится самовыразиться, а вовсе не выиграть выборы для кандидата Петрова или партии «Мой дом – Россия». Дизайнеру в высоком смысле плевать на политику. Он творит. Поэтому один мой знакомый дизайнер все время норовит запихнуть в предвыборный буклет то изображение гоночного автомобильчика, то симпатичную модель мотоцикла. А в городе на краю света, где мы две недели питались салом и морожеными яблоками, дизайнер втиснул рядом с фотографией кандидата Клаудию Шиффер в купальнике...

По недосмотру буклет был напечатан. Это вызвало фурор в массах и шумный скандал в штабе. Вы будете смеяться, но кандидат победил...

Наисложнейший для дизайнера в предвыборном штабе сезон – с декабря по март, когда количество праздников зашкаливает – Новый год и Рождество, день святого Валентина, 23 февраля, 8 марта и многие другие, порожденные фантазией политтехнологов.

К каждому празднику нужна открытка. Она обязана быть одновременно банальной, чтобы быть принятой народными массами, и не похожей на происки конкурентов. Одновременно и с изюминкой, и с российским флагом. Потому что как в наше нелегкое время без триколора?..

У хорошего дизайнера первый эскиз открытки занимает пару часов. И еще неделю в него вносят ценнейшие исправления абсолютно все, вплоть до офисной уборщицы (тем более что, по большому счету, других представителей электората в штабе не бывает).

Именно поэтому мы с Васькой не осваиваем дизайнерские программы – критиковать другого всегда приятнее...

Когда я вернулась, Васька с Виолеттой хищнически выедали изюм из хлопьев «Фитнесс+». Их можно было фотографировать для журнала «Vogue». Виолетту – с дизайнерскими ногтями и профессиональным загаром из солярия, в модном японском платье, и Ваську – в ее очередных романтических кружевах и пестрой шелковой юбке Cavalli. Невозможно равнодушно смотреть на Ваську – будь ты хоть мужчина, хоть женщина. Все дело в коже. У нее восхитительная кожа. Не требует ни кремов, ни масок. Васька никогда не выщипывает брови, и ей не приходится замазывать круги под глазами. Даже с глубокого похмелья.

Я тоже подкралась к хлопьям. Изюм исчезал катастрофически. Мозги усыхали.

– Виолетта, мням-мням, записала нас в салон красоты, мням-мням, на эпиляцию, педикюр и релаксирующий массаж.

– Кофда? – спросила я, набивая рот изюмом.

– Да... через час.

– А работа? А отследить, что сегодня пойдет в местную прессу?

– Мы всегда на связи! – невинно хохотнула Василиса, покачивая мобильником на цепочке.

В северском центре красоты «Азазель» было мраморно и безлюдно, как на ночном вокзале. Журчал фонтан. Нас ждала плюшевая девушка с восковыми полосками для эпиляции.

Эпиляция воском – малоприятное занятие. Но хуже всего оно проходит в домашних условиях. Мы с Васькой сохранили воспоминания об этом еще со студенческих времен, когда под Новый год подарили себе банку воска и, согласно инструкции, вымазали им ноги от трусиков до самых пальцев. И тут оказалось, что воск с ног не отдирается – ни с волосами, ни без. Он хлюпал, тянулся, застывал леденцовыми подтеками, но никуда не девался.

Короче, новогоднюю ночь мы с Василисой провели в ванной, скуля, пища и избавляясь от воска посредством бритвы, пемзы и ацетона. С тех пор я убеждена, что салонная эпиляция – не роскошь, а просто жизненная необходимость.

С педикюром дело пошло веселее. Мы полулежали, вытянув и растопыбив пальцы ног, и прислушивались к внезапному умиротворению в сердцах. Политика – суета сует. Жизнь прекрасна в любом проявлении, и каждая из нас – одно из прекраснейших проявлений жизни.

Блаженство накатывало волнами, ногти на ногах обретали вид жемчужин неправильной формы. И тут, разумеется, у Васьки зазвонил телефон.

– Мить? С Байкала?! Как ты там оказался? А-а-ах вот как... Аура? Ментальная оболочка? Ты опять глотал колеса? Мить, аура не может отделиться от тела. Погоди... – Взгляд у Васьки стал, как у спаниеля, унюхавшего шоколадную конфету – Они там надолго? А ты? Митя! Митя, прошу тебя как друга и брата по астралу, побудь там до завтра. Телефон не выключай и будь на связи!

– Митька на Байкале, по-моему, под коксом, на фестивале шаманов. Клянется, что шаманы настоящие, алтайские, природные, и работают с астральными полями. Понимаешь, Дашка, шаманы, прорицатели!..

– На что это ты намекаешь?

– Метаморфозы! Они могут знать, с кем из наших фигурантов произойдут метаморфозы! Катастрофы... – Васька ласково попробовала слово на языке. – К тому же наверняка там куча интересных людей! – с энтузиазмом заявила она.

Все ясно. Кто-то решил сыграть в разведку и удовлетворить свою извечную тягу к Нострадамусам.

– То есть ты планируешь выйти из салона красоты и рвануть на Байкал? – ядовито уточнила я. – И забрать, если я ничего не путаю, нашего общего шофера? А работать Пушкин будет?..

– Но тут же, Даш, корпоративная необходимость! – подхалимски заявила эта бестия. – А я тебе привезу волшебных корешков... Выпьешь – козленочком станешь!

– Это-то не новость...

– Рисуночек на ногтях будем рисовать? – раздался голосок в районе наших пяток.

– Будем, – хором ответили мы.

Я поняла, что на Байкал Васька все-таки поедет.

Стоило нам, воздушным, как японские вишни, с цветочными мотивами на ногтях, сползти с кресел, как телефон зазвонил у меня.

– Гарик! – лицемерно обрадовалась я.

– Вы релиз написали? – суматошно кричал в трубке Гарик. – А листовку? А ролик для «Северск ТВ» отсмотрели?..

– Отсмотрели, – осторожно сказала я.

– А медиа-план утвердили?! Что там у нас по медиа-плану?

– Что за паника? Что-то случилось?

– Ничего, – признался Гарик, – звоню, чтобы не расслаблялись. Кстати, где вы? Прежде я уже звонил в офис – не врите, что вы там!

– Ммм... а ты сейчас далеко?

– Да так, – слегка смутился Гарик, – ездил тут пообедать за город... собираюсь в кино. Пойдете?

– Все ясно! У плохой хозяйки и кошка воровка. Какое кино, у нас столько работы! Никогда расслабляться...

Я чуть не уснула во время массажа. И уснула бы непременно, если бы не журчание Васьки в телефонную трубку:

– Анатолий? Представьте, какое несчастье, в штабе отключился Интернет – никак не могу сейчас получить вашу статью! Нет, никак иначе... И придется вам зачитывать ее по телефону... Ничего, у вас входящие звонки бесплатно. Приготовились? Начали! Ага... так, ага... Стоп, повторите последнее. «Характер – это совокупность поведения»? Ох, лучше вычеркните. Ага... стоп, при чем тут Петров и «Мой дом – Россия»? Уберите. Ага... а зачем про скотоводство? Петров не скотовод! Он – государственный! Зачем тут козий сыр? Сыр тоже уберите... Обязательно попробую, но все-таки уберите. Вы же обещали написать о государственных программах! Тоже не работал Интернет?.. Надо же, какое злосчастье. Бог с вами, записывайте, диктую...

Потом звонили мне. Потом снова Ваське. Все это слегка смазало момент выхода из салона красоты, но эффект был.

Женщина из салона красоты – не просто женщина. Благодаря нашей способности к перевоплощениям это два разных биологических вида. У нас выросло несколько пар крыльев. Мы

улыбались космическими улыбками. Из нашего сознания напрочь испарились слова длиннее трех слогов. А Васька была полна энтузиазма отдаться шаманам.

Я посадила их в машину – Василису, собранную, как спутник-шпион, и Виолетту с рюкзаком в виде плюшевого мишки, и задумчиво шепнула Ваське:

– Ты смотри, чтобы ее не заколдовали там... в козленочка. Пропадет ведь. Деньги на представительские расходы взяли?

– Ага, у Тимура. – Романтическая Васька бывает очень практичной.

И они уехали. А я осталась. И побрела в офис, чувствуя себя почему-то одинокой, как кактус. Через два часа я все еще читала нетленки северских журналистов. В них были панорама и размах. Например: «Нельзя сказать, чтобы в жизни нашего города не хватало зрелищ. Недавно на сцене городского цирка выступал дрессировщик Л. М. Почутко с уникальным номером – дрессированной мухой. Но министр Петров тоже собрал полные залы». Или: «Несмотря на успех некоторых государственных программ, совершенно ясно, что на нас историческая вина перед евреями».

Через два часа я устала смеяться. Еще через два – злиться. Еще через час обнаружила себя в полном одиночестве, в пустом офисе, с пустой коробкой из-под «Фитнесс+» и, потихоньку выбравшись в ночь, вернулась домой.

Наш прекрасный дом спал. Я схватила в холодильнике пакет с виноградом, творожный сырок, банку морской капусты и прокралась в каминный зал в надежде тихо прикончить нехитрый ужин политконсультанта – но там, разумеется, в кресле у огня сидел Гарик с коньяком, мирный Мефистофель, прирученный демон политконсалтинга.

– Я волновался!

– Я работала...

– Где потерялась Василиса Прекрасная?

– Ммм... – Совершенно бессмысленно врать Гарику. Если бы вы знали его так же хорошо, как я, вы бы со мной согласились. – Иногда ей надо побыть наедине с собой... например, на Байкале. Байкал – незамутненный источник энергии!

– А на Байкале у нас бухает Митя. А здесь, блядь, стоит работа!

– Все под контролем!

– Митя – пидор, – мрачно и задумчиво сказал Гарик.

– Гей, – мягко уточнила я, погруженная в мысли о том, что морская капуста – источник йода для организма, но чудовищная гадость.

– Пидор – это не характеристика сексуальных пристрастий, это диагноз. Пидор и мудака. Что о нас скажет Москва? Половина банды бухает на Байкале, а я узнаю постфактум!

– Скажет, что это гламурно. А Петров все равно победит, о чем тут говорить, Гарик?

Он странно посмотрел на меня. Потом на коньяк. Потом снова на меня.

– Как ты думаешь, здесь есть «жучки»?

– Уверена, что да.

– Тогда пойдем спать... Подожди, Дарья. Ты великолепно выглядишь. Дай-ка я тебя поцелую...

И мы минут десять целовались на лестнице – от Гарика пахло табаком, коньяком и еще какой-то чертовщинкой. Мы целовались просто так, без всякого умысла. Просто чтобы иметь адекватный ответ одиночеству. Мы так давно знакомы, что можем себе это позволить.

* * *

Наконец-то я одна, подумала я утром. В конце концов, пусть Васька развлекается. И в окно светит прощальное августовское солнце – кстати, Семеныч вчера порадовал меня новостью, что снег в Северске, бывало, выпадал и в сентябре.

Я не спеша заварила чай, открыла пакет любимых плюшек с корицей, сбросила под столом надоевшие каблукки, в задумчивости пошевелила пальцами ног...

Впереди меня ждали великие дела. Надо было прочитать, отредактировать и утвердить с юристом Николаем восемь статей с упоминанием Петрова. Проверить, чтобы репортажи про нашего мальчика северские журналисты не поставили, например, в рубрику «астрологический прогноз».

Ибо прецеденты были. Три года назад мы вели предвыборную кампанию в одном из уральских городов. Я договорилась с местной газетенкой разместить у них репортаж о том, как наш кандидат подарил детскому садiku новые книжки.

– Только знаете, – вдруг замялся редактор, – мы этот репортаж поставим внизу страницы, потому что у нас наверху уже запланирован свой материал...

– О чем?

– О детях, – ответил редактор и почему-то вздохнул.

– Вот и славно, – обрадовалась я, – наш кандидат с книжками будет в тему.

На следующий день я развернула газету, и волосы на моей голове зашевелились от ужаса. Нет слов, сам репортаж выглядел шикарно: незатейливый текст был набран крупным шрифтом, на большой фотографии будущий мэр стоял в окружении детишек, как на картине «Ленин и дети» – одной рукой обнимал девочку в светлом платьице, другой гладил по головке хорошенького мальчугана.

А наверху страницы красовался материал, о котором предупреждал редактор, под огромным заголовком: «Педофилы не пройдут!»

Первые несколько секунд я не знала, плакать мне или смеяться. А потом... До сих пор стыдно вспоминать, какими словами и пожеланиями мы обменялись с редактором. Поразительно – он еще пытался убедить меня в том, что нам крупно повезло. Якобы благодаря соседству со скандальным материалом о педофилии нашу «скушнютину» о детском садике гарантированно прочитали все горожане. По большому счету, нахально заявил редактор, вы должны сказать спасибо газете за такой ловкий «пиар». В ответ я, помнится, орала что-то о нездоровых ассоциациях и необходимости иногда думать головой, а не седалищем...

Но весь позор справедливо упал на мою голову. После этого случая у меня развилась маниакальная подозрительность – теперь, размещая в СМИ даже крошечное рекламное объявление, я слежу за каждой мелочью.

* * *

Итак, сегодня еще надо составить смету по рекламным щитам – пока у каждого в нашей команде было свое мнение на этот счет, все попытки посчитать расходы каждый раз давали разный результат, и Гарик нервничал. Я занесла руки над клавиатурой компьютера... В этот момент зазвонил телефон, и я услышала блянье мсье Одиносика:

– Дашенька, до меня дошли сведения, что ваш event-manager планирует организовать некое мmmm-мероприятие.

– Митя, что ли? – удивилась я. Кажется, это Митина должность так звучала по смете. – Ах, конечно, мероприятие... Но зачем же так скучно? Дмитрий мыслит креативно. Это будет настоящее шоу. Гала-концерт с участием поп-звезд.

– Вот по поводу звезд и возникли э-э-э... разногласия. Мы ведь тоже там принимаем участие, некоторым образом. Приветствие, напутствие, слова благодарности... Губернатор выйдет на сцену. А среди приглашенных звезд, извините, лица нетрадиционной ориентации. Согласитесь, не самая подходящая компания для главы региона. Не говоря уже о сами-знаете-ком.

– У меня, к сожалению, нет под рукой полного списка артистов. – Для убедительности я пошуршала фантиками от шоколадок, которые валялись рядом. – Но в любом случае план еще не прошел все этапы согласования. Мы постараемся, чтобы все было чинно и благородно.

– Дашенька, с вами приятно работать.

– А отдыхать – еще приятнее, – сказала я и сразу пожалела. С такими, как Одиносик, шутки плохи: а вдруг он сейчас пустит слюни и зашепчет: «Поедте в номера...»?! А там попросит привязать его и отшлепать. А через день бросит жену, троих детишек и сделает татуировку. Будет петь жуткие серенады на стихи собственного сочинения, и мне придется извиняться перед соседями. А потом попросит займы до понедельника и пропадет в неизвестность. А вскоре я узнаю, что он ограбил банк и объявлен в федеральный розыск...

На том конце трубки пауза непонимания сменилась мелким хихиканьем.

– Это, хе-хе, предложение, хе-хе?

– Нет. Это факт.

– Какая вы, Дашенька...

Меня передернуло, и я быстро попрощалась. После разговора с разомлевшим мсье Одиносиком я вернулась к очередному материалу. Но не успела дочитать до конца абзац, который многообещающе начинался со слов: «Президент, как пионер, должен быть примером для всех...» – как вновь запиликал телефон.

– Дарья, «Северские вести» беспокоят. Последний раз предупреждаю: у нас верстка номера уже началась, а мы так и не получили от вас аналитику.

– Ольга Николаевна, вышлем в течение часа, а если не получится – придется ставить статью в следующий номер.

– Замечательно, а на третьей полосе у нас завтра будет пустое пятно... Чем я заменю вашу, извините за выражение, аналитику?!

Я в сотый раз за сегодняшний день проверила электронную почту. Естественно, статья, которую мы еще два дня назад заказывали местному журналюге Пеночкину, не пришла. А сколько было уверений, сколько обещаний...

Знаю я эти хитрости. Когда вам говорят: «К утру текст будет готов», имеют в виду: «Мне столько всего надо сделать, я лучше пойду посплю». Фраза: «Через час высылаю на e-mail» на самом деле означает, что к компьютеру никто еще не подходил, и вообще человек проснулся минуту назад в незнакомой квартире. «Без проблем – уже заканчиваю!» следует переводить как: «Наконец-то я открыл ноутбук, что бы такого придумать?..» Если со слезой в голосе кричат: «Как не дошло?! Я же два раза отправлял!» – считай, половина текста готова.

Умные люди знают, как бороться с этой безалаберностью. Гарик, например, предпочитает ставить нереальные сроки. Листовка нужна через два дня? Он бегаёт по офису и орет дурным голосом, что все должно было быть готово еще вчера. В результате уровень адреналина у команды достигает максимума, и уже к полудню на столе у босса лежат три варианта листовки в разных дизайнерских исполнениях. И пока подчиненные отпаивают друг друга валерьянкой, великолепный Гарик пожинает лавры эффективного управленца. Опыт подсказывает – при всей жестокости такого обращения в России по-другому добиться результата невозможно. Это истинно русский сценарий: месяц лежать на печи, а потом рубануть с плеча и за ночь выстроить дворец. Откуда, по-вашему, могли появиться все эти утопические проекты – «Пятилетка в четыре года», стахановцы, либерализация цен и реформа «500 дней»...

Даже прибалт Андрес заразился нашей болезнью и безропотно бегаёт со всеми, тянет до последнего, устраивает истерики. Карл Маркс был сто раз прав, говоря, что бытие определяет сознание, ибо решать проблемы по-русски, одним махом, научился человек, который, даже напившись как свинья, ест бифштекс с помощью ножа и вилки, а не как все нормальные русские люди – руками.

Но когда ты сам сбиваешься с графика, это можно пережить. Гораздо неприятнее, когда весь план работы летит к чертям по чужой милости. Сегодня я уже раз десять набрала номер мобильного телефона бездельника Пеночкина, звонила во все редакции, где он печатался, и даже решила побеспокоить его бывшую жену. Пеночкин исчез, растворился, а был ли он вообще?..

После разговора с редактором «Северских вестей» Ольгой Николаевной я с ужасом поняла, что писать злосчастную аналитику придется мне. Причем прямо сейчас и очень быстро. А ведь чтобы написать хороший аналитический материал, нужно посидеть и подумать, поискать информацию в Инете, поговорить с умными людьми, а потом перечитать его пару раз и подправить неточности.

Васька, любительница приключений, резвится где-то, а то мы могли бы написать статью в четыре руки. Это очень просто – надо только заранее поделить между собой главные тезисы материала, а потом все перемешать, добавить по вкусу мелких деталей, и статья готова.

Пока я об этом размышляла, мои руки сами собой настучали на клавиатуре первые пять предложений статьи.

– Пеночкина убью, – мечтала я, – и денег не заплачу.

В это время на мониторе появилось: «Тем более что социально-экономическое развитие Северской области стабильно демонстрирует положительную тенденцию на протяжении последних трех лет».

Срок сдачи приближался, и это чертовски активизировало полет моей творческой мысли. Через полчаса аналитика была готова, времени, чтобы перечитать, уже не оставалось, я мигом отправила все на редакционную почту и позвонила Ольге Николаевне. И только после того, как она подтвердила, что письмо дошло и там именно мой текст, я глубоко вдохнула, закрыла глаза и расслабилась. Ну вот, а думала, что аврала сегодня не будет.

В кабинет заглянул Андрес.

– Как у тебя тут хорошо, – с завистью сказал он, – цветочки вокруг, пахнет булочками...

– Пожалуйста, угощайся.

– Мерси. А у нас что-то неладное творится. Курочкин со всем соглашается, мои отчеты до сих пор никто не читал, новые инструкции ждем уже неделю. А ты видела, кто будет заниматься распространением агитпродукции? Это же страшные люди. У них на лице написано, что наши листовки окажутся на ближайшей помойке, как только они получат деньги.

– Ммм, президентские кампании так не делаются, – согласилась я. В моей памяти сразу всплыл подслушанный разговор. Неужели Курочкин уговорил Перцеля? Тогда это значит... – Андрюш, ты извини, работать надо, потом договорим, ага?

Андрес все-таки обиделся и удалился, прихватив пакет плюшек. Но мне было не до плюшек – я спешно набирала номер одного знакомого депутата Госдумы. Не так давно, благодаря нашим усилиям, он выиграл выборы и из бизнесмена превратился в политика. Во время кампании я состояла при будущем госдепе пресс-секретарем, и мы часто вели душевные беседы.

– Я знаю, что вся ваша бригада тырит мои деньги, – заявил он однажды без капли сожаления, – но это закон жизни: вы тырите у меня, я – у других, и мир вертится.

– Простите за неприличный вопрос, Валерий Абрамович, но зачем вы вообще идете в депутаты?

– Бизнес, Дашенька, бизнес! Без мандата очень тяжело работать. Вот накоплю детишкам на молочишко, брошу все и уеду в Англию. У меня уже и домик там куплен – небольшой такой замок семнадцатого века с охотничьими угодьями. Буду сидеть и целыми днями удить рыбу и пить чай.

После выборов депутат позвал меня «в загул», предупредив, что он уже давно импотент и девушка ему нужна только для компании. Так и вышло: за неделю мы обошли все казино,

жили в номерах «люкс», поливали шампанским клумбы, до утра пели русские народные песни и засыпали вповалку на одной кровати – невинно, как брат и сестра.

– Несчастный я человек, – сокрушался иногда Валерий Абрамович, – знакомые мужики берут от жизни все: летают по миру, бросают старых жен, трахают маленьких дурочек... С другой стороны, – вдохновенно продолжил он, – мне крупно повезло. Моя жена – добрая фригидная женщина, ей абсолютно наплевать, где и с кем я ночую. Последнюю любовницу я выгнал, после того как она переспала с моим шофером в моей же машине. И знаешь, с тех пор чувствую себя гораздо лучше и при этом экономлю колоссальные бабки!

Он предлагал мне стать его помощником, но я-то знаю, какая это скука – быть помощником депутата, и отказалась. С тех пор мы не встречались. Настало время напомнить ему о себе.

– Добрый день, уважаемый Валерий Абрамович! Это Даша. Мы вместе удили рыбу в аквариуме ресторана «Ля Ронд».

– Какие люди!..

– Как ваши дела?

– Слава виагре, неплохо. Неужели ты в Москве?

– Ох, честно говоря, я сейчас во глубине сибирских руд.

– Петрова двигаете?

– Ой, ну ничего от вас не скроешь!.. подольстилась я. – Валерий Абрамович, вы человек авторитетный, знающий, прекрасно разбираетесь в...

– Короче – что тебе надо?

– У Петрова есть реальный соперник?

– Контрреволюционные вещи говоришь, Дарья, – рассмеялся госдепутат. – Вы что там, бешеных грибов наелись?

– Просто я пытаюсь оценить шансы всех кандидатов.

– Подожди секунду, я проголосую...

– Ой, – испугалась я, – вы на заседании Думы? Хотите, перезвоню?

– Не, все нормально. Продолжаем тему. А кандидаты известны, и шансы у них предсказуемы. Хотя Погодин в последнее время стал явно перегибать палку. Кричит на каждом углу, критику наводит. Такую активность развил, того и гляди вызовут для объяснений в администрацию...

– Ясно, – сказала я, хотя в моей голове все утонуло в еще большем тумане. – Спасибо большое.

– Ага, будешь в Москве – заходи в гости на Охотный Ряд.

Вряд ли Валерий Абрамович знает больше, чем говорит. Что же делать? Пожалуй, имеет смысл позвонить московскому приятелю Славке, он работает в политическом еженедельнике и входит в круг «паркетных» кремлевских журналистов.

...Вместо приветствия Слава произнес тоном заговорщика:

– Осталось еще две недели.

– В смысле?

– Ты что, не знаешь?! Машке рожать через две недели.

– Опять?! Это же четвертый! И когда только вы успеваете...

– Считай, что мы выполнили и твою норму, – ехидно заметил Славка. – Пока ты весело трахаешься, мы пополняем генофонд России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.